

Александр Кан родился в 1960 году в Пхеньяне (КНДР). Окончил Республиканскую физико-математическую школу в Алма-Ате, Московский институт электронной техники, Литературный институт им. А.М. Горького. Автор многих книг прозы, в числе которых — «Век Семьи», «Сны нерожденных», «Невидимый Остров», «Книга Белого Дня», «Родина» и другие. Победитель международных литературных конкурсов в Москве, Берлине, Сеуле, Анн-Арборе, Беркли. Живет в Алма-Ате (Казахстан).

Александр Кан

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ОТЧАЯННОГО ТРУБАДУРА

Повесть

Елене Ружицкой

*Мы — сыны, оставившие своих отцов.
Николай Федоров*

ПОВЕЛИТЕЛЬ СТЕН

Скажите, возможно ли такое? Ты видишь больше, чем видят другие, ты слышишь больше, чем слышат другие, и, пребывая в восторге от своих откровений, ты делишься с приятелями и одноклассниками этими волшебными образами, голосами, а они в ответ не только не разделяют твоей радости, а смеются, обзывают, крутят пальцами у висков, и ты, осмеянный, оплеванный, значит, всеми, просто отходишь в сторону... Да, именно так и возможно — увы, увы! — и Кан в результате часто бродил в одиночестве по двору, или по бесконечным школьным коридорам, но долго печалиться он не мог, ибо его опять звал Голос, призывая к чему-то пока еще неведомому:

— Саша! Саша! Приди и найди меня!

И он, пылкий, горячий, в крайнем нетерпении, готов был сразу броситься в путь, но — как и куда?! И конечно, помня о дыре, то есть об

отце, первым делом он бросался к матери: Мама, я постоянно слышу голос! Может, это отец из Кореи, не умер, а жив, ты представляешь!? И до сих пор он ждет нас, или, по крайней мере, меня?

— Да что ж ты за ерунду говоришь такую? — немедленно отвечала ему раздраженная мать. — Нам же сообщили в свое время, что умер он в 42 года, гипертонический криз... И тогда откуда он может звать тебя, Саша, из-под земли, что ли?! — злобно хохотала она. — И вообще, я понимаю твои бесхитростные намеки... Еще, значит, некий голос припел! Ты просто обвиняешь меня в том, что я его бросила.. Да пойми ты наконец! — кричала она уже в ярости. — Если бы ты там остался, то стал бы заурядным хунвейбином! Вот причина, которая оправдывает меня во всем! — заканчивала она свой гневный монолог. — И отстань от меня!!!

И Саша опять отходил в сторону, теперь уже от родного человека, или как бы родного, номинально родного, и кто такие на самом деле родные люди, думал он, вот недавно приходил сантехник течь устранять, устранил, потом чай пили, про свою жизнь все рассказывал, что в разводе, но дочка есть, пять лет, счастье его, белая, сладкая, нежная, а жена не дает ему с ней общаться, и он плачет, представляешь, плачет дома по ночам, и эту течь, он, сантехник высшего класса, никак не может в себе устранить, и что тогда делать, сынок? Может, подскажешь?! И этот чужой монтер стал для него таким родным, что хоть плачь вместе с ним, и после его девочку выкради...

В общем, Кан опять возвращался к своим стенам, думая о том, что если все-таки этот Голос существует, то он, его носитель или источник, может прятаться только в них, в их коварных и пыльных объемах, или за их сказочной толщею, и потому учился с ними, стенами, разговаривать, еще с детства, когда его ставили в угол, в детском саду, лбом к стене прижмут, стой и думай о своем плохом поведении — зачем девочку за косичку дергал? А он думал, страстно прижимаясь к холмистой стене, как к какой-то могучей и сладостной женщине, совсем о другом, о некоем прекрасном мире, чудесном и волшебном, теплом и светлом, который она, женщина или стена, ему откроет, не таком заурядном, пошлом и сиром, в котором он оказывался каждый день и верил, надеялся, что однажды ему повезет, он пробьет эту стену, потому и другие, ибо все стены — стена, лбом, ногой, кулаком, но лучше... стрелой могучей мысли, молотом могучего духа! А пока нет мысли и духа, надо терпеть, стоять и копить... И Саша стоял и копил, например, читал книги, расположившись в углу, между стен, на диване, про самые разные приключения и превращения, пиратов, бандитов, ковбоев, внешние и внутренние, физические и мистические, и все эти книги как бы обещали ему, что Нечто ждет его Там, когда он сломает эти стены. А потом, когда мать перевела его в физматшколу, поскольку способности проявлял, он стал читать уже другие книги, учебники по физике и математике, — Лифшиц, Ландау, Сканави! — тоже увлекательно, цифры и атомы мгновенно становились его путешественниками, а также эти книги указывали ему конкретный путь, что делать после школы, куда поехать и поступать, и не оставляли в таком пути у него никаких сомнений!

И Саша поехал в Москву поступать в лучшие вузы страны, на физика, математика, поскольку окончил с отличием школу, был гордостью класса, участником всесоюзных олимпиад, и поступил он легко и играючи, и поселили его в комнате с тремя соседями, и он при всем своем привычном одиночестве вынужден был наблюдать, как живут другие, и про свой голоса, конечно, помалкивал... И вскоре он понял, что если и были у него эти магические голоса, реальные, иллюзорные, физические, метафизические, не важно, какие, которые всем своим существованием говорили о наличии у него некоей тайной цели, или пусть сказочной, но реальности, то у них-то, доброе утро, Тимур-Юра-Газиз, даже этого не было, одна унылая пустота, одобренная пошлыми шутками и непомерными амбициями...

И потому спустя полгода, когда всем надело ходить на лекции, семинары, учить сопромат или историю СССР, они, соседи его, с какой-то небывалой страстью, бросились пьянствовать да с девушками гулять, а он, Кан, поскольку другого места для жизни у него не было, стал вместе с ними пить, стало быть, по слабости, без особой радости, для соответствия.

И вот однажды, когда началась очередная облава дружинников в женском общежитии, в котором парням после одиннадцати находиться было нельзя, Саша, не зная, куда деть себя, а приятели уже разбежались по случайным или законным подругам, слыша уже яростный топот копей в коридоре, ткнул пальцем в ближайшую стену и, к своему удивлению, вошел вовнутрь, даже не запачкавшись известкой или кирпичной пылью. И встретила его девушка, почти нагая, вся рыжая, лицо в веснушках, и поскольку была со старших курсов, не испугалась, не закричала, не стала его прогонять, поскольку уже имела печальный опыт коротких встреч и долгих расставаний, а только воскликнула: «О, мой повелитель стен!» Затем, изящно накидывая на себя ночнушку, стала его чаем поить, аккуратно спрашивая, кто он, как и откуда...

Наутро Саша проснулся абсолютным новым человеком, словно побывавшим в райском «там», куда его Голос звал, правда, он еще не разобрался, тот ли его голос звал и туда ли он вообще попал, потому что вместо певучего мужского, знакомого ему чуть ли не с рождения, который он про себя называл Голосом Отца, в его слух теперь врвался голос рыжей дивы, низкий, грудной, порою резкий, которая после той неожиданно сладостной ночи, уже всюю командовала им: «После занятий сразу ко мне! По дороге купи хлеба, сахара, колбасы... пива с приятелями не пей, если к себе убежишь, то только за личными вещами... И так далее, и тому подобное.

И Саша, отпущенный ею, наконец, вовне, сидя на лекции по ненавистному сопромату, все чаще задумывал над тем, почему же женщина, влажно впуская мужчину в себя, точно обмякшая стена, после опять окружала его одними сухими запретами, и не пора ли ему, в точности как та упрямая балка, о которой сейчас рассказывал педагог, оказать сопротивление этой коварной силе? А что ты думал, за все надо платить! — пошло объясняли ему женскую природу его соседи по комнате или по парте. И Саша понимал, что тот голос, который он тайно слышал, о котором тайно мечтал, никакого отношения к этой женщине не имеет, но поскольку они, искусительницы, коварны и сладки, то часто обманывают мужчин, заменяя их мечты простым удобством или наслаждением, а когда его брат спохватывается, обнаружив эту подмену, уже было поздно.

Правда, отдавая должное женской красоте, ее любитель Кан еще много раз, покидая старые стены, входил в новые, но всегда и везде было одно и то же. И чего тогда стоила эта внешняя красота, думал он, глядя на очередную брюнетку, шатенку, блондинку, если внутри у них одни алчность и пустота? Так, в таких коротких встречах и неизменных расставаниях, Кан проучился все положенные пять лет, и однажды, провожая друга, решившего все бросить, постылую учебу и постылый студенческий быт — вот настоящий поступок! и не пора ли мне вслед за ним? — после крепких объятий, глядел зачарованно вслед уходящему поезду. А в чем заключалось его очарование, сразу понять не мог, только ходил туда-сюда по перрону и, когда подошел новый состав, стал заглядывать в окна, в купе, не понимая, что ж его так в этих пустых вагонах притягивает? И вдруг понял, что в вагонах нет стен, точнее они есть, но всегда условные, и физически, и морально, и значит в них, в поездах, догадался он, люди на время, от пункта А до пункта Б, обретают свободу! И не попытаться ли ему в этом пестром мелькании, в этих нескончаемых потоках людей, в этих лицах и ликах, в смехе и плаче, в этих звонких и сладких голосах обрести свое счастье?

У него оставался еще один год преддипломной практики, тогда он быстро сделал документ, через знакомых девушек в деканате, позволявший ему работать в свободное от учебы время, и вот прошел проводнички курс, затем совершил с инструктором поездку и, наконец, вышел в свой первый рейс. Счастью его не было предела, как раз начиналось лето, Кан работал вместе со студентами, ездили от Ярославского вокзала в Северодвинск, Архангельск, Воркуту и даже на БАМ, к далекой реке Лена, по ходу учился брать безбилетников, прятал их на третьих полках, торговал водкой, стал зарабатывать огромные деньги, набирался опыта, становился деловым, циничным, наглым, оттачивал свой взгляд, и по любому пассажиру мог заранее сказать, каких проблем от него ожидать или он проедет спокойно.

Вся эта пестрая пассажирская толпа словно обещала ему, что вот на конечной станции, когда все сойдут, он, проверяя вагон, проходя туда и обратно, вдруг встретит удивительную девушку неземной красоты, полную блеска, счастливого смеха и задора... А если все-таки нет, думал он, становившийся во время работы скептиком, то, может, он встретит друга, чистого и восторженного, с тем же счастливым смехом, полного ожидания чуда... Но, проходя вагон, Кан обнаруживал только тела заснувших похмельных пассажиров, проспавших свои станции, и, выпроводив их с трудом, он в тупиках, куда составы отгоняли после рейса, слушал только лай собак, затем звенящую тишину, как прелюдию, а после, в середине ночи, вновь слышал Голос, который по-прежнему звал его к себе. Что означало, что не место ему здесь, что зря он бороздит эти пыльные просторы в ржавых вагонах, что никакого чуда он здесь встретит, а только в лучшем случае мирного собутельника, или очередную потасканную красотку, которая вяло или смачно впустит его в себя, в зависимости от состояния и настроения, а после в любом случае попросит денег.

И вот к концу лета, навидавшись всех и всего, и вообще всякой всячины, по ходу защитив диплом, Кан решил-таки возвращаться домой, в родной город, чтобы, увы, но смиренно стать как все, работать инженером по месту распределения, напрочь забыть про свой магический Голос, в общем, пошло превратиться в тех, кто над ним из-за его причуд на протяжении всей его жизни так злобно смеялся, а теперь, очевидно, будет смеяться еще сильнее.

КОМ

Первым делом Саша по приезде в Алма-Ату должен был посетить могилу двоюродной бабушки, или сестры его родной бабушки, которую еще в 1920-м году забрали в НКВД по подозрению в шпионстве на японцев, мать же отвезли в детский дом, где она провела несколько нелегких и несчастных лет, о которых никогда никому не рассказывала. После тетка с трудом, но нашла ее, привезла из России в Казахстан, стала ей настоящей матерью, а появившемуся Саше — бабушкой, содержала родных много лет, выучила, выпестовала, воспитала, и вот, намаявшись за всю свою жизнь, месяц назад, тихо умерла во сне, верно, посчитав, что ей пора, баста, с нее хватит. Сашу стали было искать, но не нашли, он был в рейсе, и вот теперь, вернувшись в Алма-Ату, он отдавал ей дань, стоя перед могильным холмом, вспоминая и думая, какой она была и какой останется в его памяти.

Бабушка Катя работала врачом в кожвендиспансере, лечила мужчин от постыдных болезней, а почему она выбрала такую специальность, было неизвестно, соответственно отзывалась она о своих пациентах неуважительно, нелестно, небрежно, и не только из-за своей работы, но и потому, что личная жизнь ее совсем не сложилась и своих детей у нее не было. А если конкретно, то она всегда говорила о сильном поле как о каких-то обезьянах, просто носивших с важным видом костю-

мы, шляпы, галстуки, куривших трубки, «размышлявших» о судьбах мира, говоривших, как им казалось, умные вещи, но если все это с них скинуть, сорвать, вдруг хохотала она как безумная, то останется один орангутанг, не знающий, что делать со своим нелепейшим отростком между ног. Никогда не становись такой обезьяной! — часто говорила она Саше как единственному мужчине в их доме, а что надо было делать, чтобы ею не стать, не добавляла.

В общем, от бабушки осталась небольшая квартира в центре города, которую она заранее внуку отписала, куда надо было въезжать, оформлять документы и, если потребуется, делать ремонт. Саша там немедленно и поселился, предварительно посетив мать, особой близости между ними не было, поэтому после нескольких формальных вопросов и таких же ответов, с безвкусным чаем, он поспешил на воздух, на улицу, на волю. Теперь надо было что-то решать с заводом, куда его распределили, инженером служить он не хотел, но положено было отработать три года, поэтому лучше сразу сдать, решил он, как в тюрьму, раньше сядешь, раньше выйдешь, и, денек пораздумав, он поехал трудоустроиваться.

Завод был оборонный, изготавливал военное оборудование для бронетранспортеров, танков и прочих боевых машин, его определили в отдел главного технолога, приставили к огромной электронно-вычислительной машине, рассчитывавшей какие-то секретные блоки для последующего изготовления. Он должен был обслуживать эту машину вместе с двумя такими же, как он, наивными, по сути, мальчишками, только окончившими свой вуз: жили они мирно, делить им было нечего, часто друг друга подменяли, когда кому-то надо было смыться, в общем, работа была не бей лежачего. Досуг проводили тоже вместе, пили, гуляли, ходили по девушкам, часто водили их к Кану домой, конечно, а к кому же еще, только у него была свободная квартира.

Спустя полгода, когда все уже было выпито, обговорено, исцеловано, изнасиловано, избито и перебито, Кан, сидя в пустой квартире, запертой на все замки, никого больше сюда не пущу, вдруг написал рассказ о своей пустой, бессмысленной и бездарной жизни и сам своему поступку поразился, ибо это опять был Голос... Да, он возобновил свой разговор с Голосом, но уже на бумаге, спрашивал его с обидой, почему тот так упорно от него прячется и что ему надо сделать, чтобы его увидеть, обрести, и много других вопросов он задавал, как если бы это был его отец, из рассказа в рассказ, или в стихах или очерках, — задавал как Богу самому, и так в этот удивительный, полный чудес, процесс втянулся, что жизнь его изменилась самым кардинальным образом. Теперь он ходил на службу не потому, что ему больше нечем было заняться, а просто зарабатывал деньги, чтобы писать дальше. Понимаете? Как разительно изменились акценты! И писал он так упорно и так отчаянно, словно прочие смыслы в этой жизни для него отсутствовали, а ведь так и было, что со временем его заметили, стали приглашать на разнообразные литературные вечеринки, где он мог прочитать свое сочинение и других послушать.

Так, в одном литературном кафе, он встретил Римму, стройную девушку с карими глазами, администратора, проводившего вечер. Тогда он впервые на сцене выступил, весь краснея и трясясь от страха, хотел начать, и вдруг увидел, что собравшиеся не обращали на него никакого внимания, ели, пили, чокались, переговаривались, в общем, плевать на него хотели, и тогда Кан, полный отчаяния, уже готовый сбежать, умоляюще взглянул на Римму. Та немедленно его поняла, громким поставленным голосом обратилась к собравшимся, те тут же замолкли, Римма его представила, а после с улыбкой поднесла микрофон. Эта ободряющая светоносная улыбка собственно все и решила, Кан немедленно в нее влюбился и после вечера пригласил к себе, отметить его успешное, как утверждала она, выступление. Римма была ценительницей поэзии, ведь именно по ее инициативе стали

проводить эти литературные вечера, она за рюмкой вспоминала, какие странные люди выступают порой на сцене, вставая из-за стола, изображала их, ходила, прихрамывала, семенила, размахивала руками, без усталости хохотала, и Кан в восторге, проваливаясь в ее смех, уже летел по ней, как по небу, ничего окрест не замечая... А очнувшись, конечно, на рассвете, на земле, в постели, сжимая ее как сокровище, которое теперь никому не отдаст, и занимавшаяся заря словно сигналила ему в окно о наступлении новой жизни.

Потом Саша поступил в Литературный институт, послал на конкурс работу, его вызвали в Москву, он прошел собеседование, затем экзамены, и вот остался на установочную сессию, а когда вернулся, перевез счастливую Римму к себе в квартиру, она была рада оставить своих занудных родителей. Все эти перемены в своей жизни он воспринимал как хороший знак, и виной тому являлась его Любовица, Муза, кто же еще?!.. А вскоре он познакомил ее с мамой, правда, не очень у них вышло — посидели, помолчали, и как бы он ни старался, безо всякого настроения разошлись.

Ничего, слишком они разные, все со временем перемелется, сам себя успокоил Кан и продолжал ходить на завод, а вечерами писать. Однажды, спустя полгода после их знакомства, подруга сообщила ему, что беременна, чему Саша несказанно обрадовался, тогда еще он ее безоглядно любил. Но по мере того, как рос ее живот, Римма все чаще заводила разговор о том, что, может, он, когда родится ребенок, найдет более оплачиваемую работу, или вместо того, чтобы писать «рассказы-стишки-или-что-там-еще», будет где-нибудь подрабатывать. Дорогая! — возмутился Кан. — А как же творчество, которое нас соединило?.. Увы! Ты скоро станешь отцом! Вот тебе настоящее творчество, — спокойно парировала она, тогда еще она истерик ему не устраивала.

И Саша сдался, нашел дополнительную работу, стал сторожить вечерами офис по соседству, там же и писал, спокойствие было восстановлено, все оставались при своих. Но когда родился ребенок, — мальчик-все нормально — 3500! — в доме поселилась теща, умевшая только приказывать, — принеси, унеси, заплати и выйди к чертовой матери! — вдобавок усатая, дневавшая и ночевавшая в его квартире, и Саше уже все меньше хотелось возвращаться после работы домой. Увы! Но мир не без добрых людей, тут же нашлись собутыльники, то есть собратья по несчастью, однажды выпили и потащили его в какой-то бар, там мужики разного возраста и, очевидно, социального происхождения сидели за столом и что-то живо обсуждали. Саша подсел и прислушался.

— Да как я могу варить этот чертовский гороховый суп, если я не умею?! — кричал, словно защищаясь, один изрядно подвыпивший мужчина.

— Так она ж тебе рецепт написала. — вяло возражал другой, принимая, справедливости ради, женскую сторону.

— Ну, в общем, сварил, как мог, а она, придя с работы, попробовала и сказала... — совсем пригорюнился мужик, опуская голову, и наступила тяжелая пауза.

— Ну, и что она сказала?! Что?! — склонились к нему другие, словно после его слов должен был наступить конец света, причем для всех.

— Она сказала, что я — осел безмозглый! Вот так... И тут я понял, что вот исход любого брака! Когда-то была любовь, нежность, чувства, потом отношения, после семья, быт и вот, в конце концов, полное унижение!

— В общем, «Превращения, или Безмозглый осел!» Апулей, современная версия, — подытожил третий, с сединой, и поднял стакан с водкой. — Предлагаю выпить за Апулея!

— А причем здесь классик? Ай, да ладно, не важно за кого!

И все чокнулись, и Саша тоже, а после, когда дружно закусывали, он тихо спросил у приятеля, куда он попал, но почему-то его вопрос расслышали все.

— Запомни, парень! Ты попал... — провозгласил торжественно седой любитель Апулея. — в Клуб Одиноких Мужей! Или КОМ!

— Да и не только Одиноких... — продолжил оскорбленный рассказчик. — но и Обманутых, Охреневших...

— Отчаявшихся! Обнищавших! Одураченных! Озверевших, сука-блин! — посыпалось со всех сторон. — Приходи к нам, молодой и, вижу, тоже одинокий муж! Будет с кем душу отвести!

И Саша после ходил, но не на каждое заседание, а время от времени, там ведь они не только жаловались, но и шутили, травили анекдоты, говорили про эту жизнь разные мудрые вещи. Правда, одного он никак не мог понять, почему они все, здесь и сейчас, вне семьи, были так живы, свежи и остроумны, а после, возвращаясь к «родным», как рабы, тихи и смиренны?

Дома же жизнь шла, нет... летела своим непреложным ходом, о котором, конечно, никто у Кана не спрашивал. Подроставшего на глазах ребенка холили, лелеяли, кормили на убой, мыли, гладили, целовали, чего только не делали, и теща уже жене приговаривала: «Вот придешь в себя, проживешь пару лет и второго заведешь, уже девочку — а? — и будут братик с сестренкой, полный комплект, а может, и дальше с Сашком двинетесь?»

Слава богу, вспомнили, вздрагивал Кан в этот момент, но лучше б не вспоминали, особенно его поражало это хамско-панибратское «Сашок»... А потом пришла Римма, бывшая любительница поэзии, и тихим голоском говорила: Вот мы с мамой подумали, а как было бы хорошо к нашему славному мальчику... Родить славную девочку! — договаривал за нее Кан. Ой! — притворно хохотала она. — Да ты все знаешь?... — И после, значит, взбодренная продолжала:

— И вот я что подумала, Саш... Может, тебе бросить эти сказки-стишки, найти, наконец, серьезную работу, забыть про этот чертов Литинститут, в котором вы только пьете и непонятно чем занимаетесь...

— Хватит!!! — заорал тут Кан, а прежде он голоса никогда не поднимал. — Я закончу в любом случае Литинститут, а там видно будет!

— Да, видно будет, конечно, видно! — поддакивала ему Римма, пугаясь его крика, и исчезала.

А Сашу после таких разговоров накрывали по ночам какие-то угрюмые сны, словно вот он идет по темной улице, и обходит огромный камень, вдруг слышит шепот, голоса, подходит и прижимается к камню, приставляя ухо, и слышит уже, как два, а может, и три голоса, детских, писклявых, противных, ведут следующий разговор: Вот скоро выйдем из этого чрева и отпинаем этого козла, который так кричит на нашу мать... Что?! Кан отстранялся от камня, внимательно его осматривал, даже обходил по кругу, потом щупал и с ужасом понимал, что это не камень, а — мать твою! — тугой, как барабан, живот... Чей же живот?! Тогда он отходил в сторону и смотрел вдаль, узнать, чей это живот — уж не жены ли Гулливера? — хотя, конечно, понимал, чей... Тем более ни хрена там не было видно, один туман и очертания, тогда он опять прижимался к животу и слушал дальше этот мерзопакостный разговор:

— Ты говоришь, отпинаем этого козла, а кто тогда нас кормить будет?! Ты подумал!?

— Да, это вопрос! — вторил ему другой голос. — Тогда что, пинать отменяется?

— Пока не будем. А потом, когда вырастем, в знак «сыновьей благодарности», Эдипа ради и прочего, его и потопчем! Хо-ха-ху!!!

Вот на этом «хо-ха-ху» Кан всегда и просыпался, в поту, долго отходил ото сна, с ужасом глядел на бегающую по квартире тещу с ребенком на руках и на гражданскую жену, Римму, точнее на ее живот, да!.. Потом убегал из дома, по делам

или якобы по делам, и целый день не возвращался, когда-то его уютная квартира, оставленная в наследство его любимой бабушкой, была его единственным пристанищем, теперь даже этого у него не осталось... А потом наступило время сессии в Литературном институте, это была последняя, следом надо было защищать диплом, который Саша в таких тяжелых условиях умудрился-таки написать, это была повесть о Голосе, который он никогда не предавал и не предаст, он был в этом уверен. И вот он поехал, встретился со всеми своими однокурсниками, напился, ибо в глазах каждого увидел то, что было и у него — глубокую печаль по грядущему расставанию и утрате, ходил на заключительные лекции, потом защитил диплом, и опять напился, прощаясь со всеми своими дорогими сердцу прозаиками и поэтами, неизвестно, продолжают ли они писать, или смиренно вернуться к огромным, своим ли, чужим, животам?

И вот Кан прилетел обратно, но не успел он поделиться своей радостью насчет получения диплома и, конечно, светлой грустью в связи с расставанием, как в комнату вошла Римма, сзади зачем-то шла теща, с раскрытыми объятиями, точно футбольный вратарь, то ли хотели поздравить с окончанием, то ли опасались, что сбегит после сказанного, и она ласково начала: «Саша, вот ты защитил свой диплом, мы надеемся, более чем успешно...» И тут хамоватая теща, как всегда, полная ярости, вдруг ее перебила: «Да бросай ты свою ХЕРО-мантию, ПИИ-ССА-КА!!! Ребенок растет, впереди следующий... Надо бабки зарабатывать! Ты понял?!»

И тут Саша не выдержал и заорал, используя всю известную ему, мыслимую и немыслимую лексику, и орал он так вдохновенно, видимо, небесный Голос помог, что от крика его, урагана, тетки его — уже не его! — медленно поднялись в воздух и как-то плавно, смиренно, не меняя позы, полетели обратно, в плавно колышавшихся на ветру платьях, и поскольку крик его, а может, рев уже, никак не прекращался, то полетели они дальше за пределы квартиры, подъезда, дома, района, может, и города самого, и только тогда бог ветра Амон, Стриборг, Один, Эол, даже Йондунг Халмони, а по-нашему, Александр Кан, замолчал и сделал глубокий вздох, чтобы восстановить дыхание. После он открыл все окна, чтобы проветрить и изгнать последний дух своих врагов, затем собрал все их вещи, оставил у добрых соседей, написал Римме записку, после вышел из дома, купил в ближайшем бутылку водки и пошел — куда бы вы думали? — правильно, в бар, где собирался КОМ. А члены клуба там уже присутствовали, хотя стоял всего лишь полдень, но, может, эти старожилы вообще никуда отсюда не выходили, так же, как Саша, изгнав семью из своих жизней, в общем, не важно, он от торжественного оповестил о случившемся, выставил на стол литровую бутылку, и следом стали отмечать, пить, поздравлять, шутить и радоваться, народу все прибывало, и все спешили последовать его примеру, а после переименовать их сообщество в Клуб Отчаянных Мужей — звучит гордо, с угрозой, не правда ли? — а не каких-то там одиноких, отчаявшихся, а Сашу, молодого, энергичного, перспективного, решили избрать его председателем, правда, он не был уверен, что наутро его избиратели об этом вспомнят.

ВАЛЬСИРУЮЩИЕ, ИЛИ МОРЕ ЛЮБВИ

Как Саша добрался до дома, он, конечно, не помнил, проснулся в кресле, в прихожей, значит, плюхнулся или его... открыл глаза и прямо задохнулся от похмельной тошноты, подступавшей к ободранному горлу, руки тряслись, а ноги? Еле добрался до холодильника, слава богу, там было старое пиво, не важно, какое, выпил, пополз с бутылкой обратно, словно раненый с гранатой, забрался на кресло и вдруг обнаружил под ногами записку, уже не его, а написанную чужой рукой. И, конечно, это была Римма: «Гад! Ненавижу тебя! Проклинаю тот день, ког-

да я тебя встретила! И знай... что сын мой родился не от тебя! Ибо от тебя, писака, могут рождаться только графоманские тексты! Прощай, убогий!»

Чем хорошо, а порой спасительно похмелье? А тем, что в самые драматичные моменты в своей жизни, когда вот так же тебя проклинаят, презирают, пытаются морально уничтожить, ты окружен, как щитом, стеной похмелья, ты не в состоянии полностью воспринять, что тебе посылают, какие отравленные копыя и стрелы, потому что тебе не до этого, твой организм взывает весь о неотложной помощи, и даже когда ты ублажаешь его банкой пива, рюмкой водки, все, что должно оскорбить тебя, клубится и плещется где-то на периферии твоего сознания. Поэтому, когда Кан прочитал записку, он только усмехнулся, радуясь вновь своему освобождению, которое теперь имело дополнительную причину и которое он вчера и праздновал, а сегодня оделся броней похмелья и стал думать, где бы достать денег, чтобы продолжить свое лечение. Да, где же? О, где? И тогда он позвонил в редакцию, где ему должны были достаточно большую сумму гонораров за полгода, но получил привычный отказ, деньги еще не поступили, но как только, так сразу, мы обязательно сообщим.

Тогда, чертыхаясь и матерясь, это просто свинство какое-то, он достал все жидкое, что было в холодильнике, пиво, воду, остатки вина, потом, ого, даже водочку, вот затерялась, выставил все на кухонный стол, стал наливать и отпивать, задумчиво глядя в окно, на белоснежные вершины великолепных тьянь-шаньских гор, заполнявших половину синего неба. Эти горы, на которые он глядел всю свою жизнь, каждый день, каждый час, как добрый мужественный друг, вновь сообщали ему, что ты все преодолешь, парень, встанешь с колен, займешься любимым делом, тем, чем занимался и прежде, преуспеешь в нем, исполненный мужества... А где же взять это мужество? — вопрошал тогда Кан. Но ты же кто, писатель, сиречь, трубадур? — спрашивали его, словно не зная, горы. Да! — воскликнул Кан, вспоминая вчерашние пьяные разговоры. — Ведь я за это бился, чтобы стать не отчаявшимся, а отчаянным... трубадуром! Вот! — засверкали на солнце горы своими сияющими вершинами. — Ты сам и сказал это ключевое слово. Тогда стань отчаянным трубадуром и все рано или поздно переменится. Правильно! — воскликнул Кан с улыбкой, поскольку уже опохмелился. — Отныне я — Отчаянный Трубадур, ведь имя это судьба! И теперь я знаю, что делать! А вам, мои прекрасные Синие Горы, обещаю быть достойным Вас, Вашего Высокого Имени, и сам стану, как гора! Клятвенно обещаю вам это! И... — воскликнул он, даже пританцовывая от нового возбуждения. — ... оставим ненужные споры, я себе уже все доказал, лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал!

Таким образом Саша всего лишь за одно, причем похмельное, утро построил себе план дальнейшей жизни, на годы, а может, даже на десятилетия. Теперь ему надо было — всенепременно! — выйти на улицу, чтоб улыбнуться новому дню, а он улыбнется новому Кану, что он и сделал, идя по улице, улыбался всем, деревьям, синему небу, самому, перламутровым облакам, прохожим, бабушкам, детям, синюшным алкашам — всем, кто оказывался на его пути, и так, увлеченный своей новой радостью, оказался у дверей литературного кафе, в котором когда-то познакомился с Риммой — бррр! — а потом несколько раз выступал, читая перед публикой свою прозу. Время было обеденное, и народу было много, тогда он, значит, отныне отчаянный трубадур, подошел к знакомой женщине-администратору, и немедленно предложил свои услуги. Та как-то странно легко согласилась, потому что читали поэты обыкновенно вечером, и с виду была чем-то весьма расстроена. Что случилось? — заботливо спросил Кан. Да с парнем моим поссорилась — ответила девушка. — кажется, уже навсегда. И я тоже, представляешь! — вдруг захохотал Кан. — Так что радуйся! Другого найдешь, намного лучше!

И пошел к сцене, поднялся на нее и обратился к публике. Дорогие клиенты! —

обратился было к ним, но публика жевала, выпивала, что-то живо обсуждала, ругалась и хохотала, не обращая никакого внимания на поэта. Но Кан несколько не смутился, как прежде, поскольку уже имел весьма продолжительный опыт проживания с Риммой и ее матерью, и громоподобно заорал: «Да мать вашу! Я до каких пор здесь буду стоять? Вы все-таки животные, блин, жрущие, или любители прекрасного, зашедшие в это уютное литературное кафе просто перекусить?!»

На что те тут же, точно шелковые, ответили, что, конечно, любители. И тогда Кан, стирая длань, стал читать любимое:

«Да, жизнь моя есть один коридор, правда, бывало, свернешь налево или направо, а там как бы комната, а в ней человек, но присмотришься, не человек это, а дверь, за которой другой коридор, и даже не обидно, остановишься в раздумье, — а теперь куда?..»

И так он читал любимое, одно за другим, а люди вставали вежливо, извинялись и уходили, поскольку им надо было на работу, но приходили новые, делали заказ и с интересом слушали поэта, веселого, грустного, яростного, страстного, меланхоличного, какого угодно, в зависимости от прочитанного отрывка. И когда он, наконец, поставил жирную точку, поскольку читал два часа без перерыва уже, то увидел пустое кафе, а посередине сидела очаровательная женщина с огромными синими глазами, стыдливо вытирая слезы, вся впечатленная, очевидно, услышанным.

— А что, остальные разбежались, не выдержали? — горько усмехнулся Кан.

— Да не то чтобы разбежались, но внимательно слушали, а после уходили по своим делам. И даже вам здесь оставили в благодарность... — она потрясла авоськой.

— А вы почему здесь остались?

— Очевидно, чтобы передать вам ваш гонорар! — улыбнулась она, и словно солнце в кафе засияло.

— Уважаемые клиенты, у нас технический перерыв! — тут объявила девушка-администратор.

И они вышли из кафе, и поскольку Саше было одиноко, ведь очень сложно сразу стать отчаянным трубадуром, он пригласил Елену к себе домой, так ее звали. Она, конечно, спросила, что мы там будем делать, на что он совершенно искренне ей ответил: «Будем читать стихи!» Но стихи, конечно, они не читали, а купив по дороге вина и провизии, придя домой, стали просто разговаривать, конечно, Саша хотел узнать о ней, об Елене, кто она, что она... И она рассказала, что работает на телевидении, устраивает детские праздники, передачи. И если не останавливать и не ограничивать ребенка, говорила она со знанием дела, то он сам все создаст и атмосферу, и интонацию, и содержание... А знаете почему? — вдруг спросила она Сашу, и он понял, что это ее серьезная тема. Потому что они еще не пусты! — сама же и ответила. — А потом что-то с ними или со всеми нами происходит, из нас все выхолащивают, тупые родители, равнодушное общество, циничное государство, и как бы я ни пыталась это в детях сохранить, из них все равно все вытравливают! Понимаете, как это страшно!? Мы приходим в жизнь, получается, чтобы внутренне умереть! И остаются от нас одни крикливые оболочки! — говорила она, глядя прямо Саше в глаза. — Я же не первый раз вас послушать прихожу. Я же вашу прозу уже знаю, потому что вы пишете как раз об этом же! Как человеку не превратиться в голема! Я даже ваш «Коридор» знаю наизусть! Мы же хотели здесь стихи читать?

И Саша, удивленный, обрадованный, кивнул, а она уже читала по памяти, словно это было ее сочинение.

«Да, жизнь моя есть один коридор, правда, бывало, свернешь налево или направо, а там как бы комната, а в ней человек, но присмотришься, не человек это,

а дверь, за которой другой коридор, и даже не обидно, остановишься в раздумье, — а теперь куда?.. Сам себе и ответишь, что нет разницы никакой, куда, все равно кругом коридор, и, значит, это и есть путь человеческий, и нет ни рая, ни ада, а есть один коридор, и ветер в лицо, — значит, ты и ветер — да и коридор: ветер треплет, а порой так обожжет, что вдруг понимаешь, что ветер главнее, а ты просто так, в лучшем случае, пыльная часть его, и ветер — душа твоя, мысли и чувства, а тело твое лишь чулан, которое — о, проклятое! — не позволяет тебе отдаться ветру своему — ты уверен, именно ветру твоему? — Да, правильно, именно ветру отдаться своему, и если вдруг на пути в коридоре ты встретишь другого человека, которому тоже негде укрыться, и, жалея его как себя, вдохнешь в него ветер свой, а он в тебя свой, по той же простой причине, и если вдобавок все у вас получится, то ты вдруг поймешь, что ветер у вас один, и значит, рай у вас один, но все равно — все равно ада два, ибо тела два, которым никогда не слиться воедино!..»

Саша растроганный заплакал, ведь никто еще не читал его прозу, да так выразительно, словно он и был там, внутри коридора, а она, Елена, его писала, и прилегал на диван, потому что очень устал от всего, что происходило в последние дни, а именно склоки, крики, ор, одна нервотрепка, и попросил Елену прилечь рядом, нет, вы не подумаете, ничего такого, просто, чтобы вы были рядом, ведь с вами так хорошо, словно мы много лет назад расстались, связанные одним счастливым детством, но кто-то недобрый нас разлучил... Да, как странно, у меня такое же чувство, улыбнулась она, легла рядом и солнце опять ярко засветило, и продолжила свой рассказ о Пустоте, сказала, что это так страшно, когда люди пусты, особенно родные, представляете, сестра, брат или отец, все говорят и говорят что-то непонятное, словно безумные, или когда от мужа невозможно зачать ребенка, потому что он пол и пуст, и от этой своей ничтожности кричит и матерится, только с мамой могла, но мама, мудрая, ушла недавно, не выдержала такой густой пустоты, сказала ей, пустоте, да пошла ты — и исчезла!

Саша, со всем соглашаясь, закрыл глаза, держа ее за руки, за тонкие пальцы, как за спасательный круг, и полетел в свою прежнюю жизнь, в свое прошлое, и действительно, в точности по Елене, видел кругом уже знакомых, но пустых людей, испорченных мальчишек со двора, или в школе, или болтливых сокурсников в институте, педагогов, пассажиров поезда, которых он обслуживал, они как раз и понимали, что там, по приезде, их опять ждет знакомая постылая пустота или рутина, и пытались здесь, в вагонах, как-то и чем-то спасительно наполниться, вином, пьянством, влажной глубиной и запахом женщины, или на крайний случай мордобитием, но все было тщетно, тщетно, и когда поезд делал остановку — кому выходить? — а те прятались, словно дети, по углам, но Пустота вновь хватала их за шкуру, как щенков, и смачно заглатывала их обратно, бросая в свое огромное чрево, которое почему-то у глупых людей называлась жизнью. И Саша, проводник, только и мог, что провожать их, бедняг, сочувственным взглядом, в который раз понимая, почему он так любил работать на поездах, находясь внутри их серебристого мелькания, эта работа давала ему иллюзию, что его-то не схватит, не сожрет Пустота, Рутинка, или, иными словами, Жизнь, и он всегда будет обитать в счастливом краю под названием Между.

А потом Саша проснулся, Елены рядом почему-то уже не было, и пальцы его опять сжимали, местили пустоту, он поднялся и с удивлением обнаружил, что вся его квартира вымыта, убрана, в кой-то веки, на плите стоял свежесваренный борщ, а на столе лежала записка с номером телефоном и словами: «Только позови, продолжим наш замечательный разговор!»

И Саша хотел было сразу позвонить, договориться о встрече, но тут же раздался звонок, словно вмешательство злой неверной судьбы — значит, была и другая? — как после он не раз вспоминал, которая не хотела их встречи. В телефон-

ной трубке бодрым голосом сообщили, что гонорар за полгода наконец пришел, и он может все получить, только не забудьте документы. И Кан, приведя себя в полный порядок, поехал в редакцию, выстоял очередь, послушал редакционные сплетни, встретил редактора, который подмигивая предложил после зайти, наконец получил деньги, сбегал за бутылкой, затем вернулся в издательство и поднялся к редактору, который его собственно и печатал, а там в 12 часов уже полным ходом шло застолье. Саша часто думал о том, что если бы он работал штатным корреспондентом, редактором, то непременно бы спился, потому что такие застолья устраивались каждый день, когда они успевали писать, было непонятно, или в пьяном виде, на автопилоте, что отражалось на качестве, в общем, он был рад появиться, поговорить, пошутить, провозгласить, конечно, тост за мудрого-тонкого-незабвенного, а потом незаметно смыться.

Когда он вышел на улицу, воздуху глотнуть, он стал вспоминать, что сегодня он собирался делать, да, встретиться с Леной, но поехал почему-то в литературное кафе, в неуклонном желании, да уж признайся себе, веселиться дальше. Я ведь и там могу ее встретить, словно сам себя успокоил и тут же забыл, потому что увидел, как на сцене шла репетиция. Две стройные яркие стильные девицы репетировали номер, звонок пели песни из Janis Joplin, Jim Morrison, Jefferson Airplane, на хорошем английском и подыгрывал им, очевидно, местный гитарист, которого они постоянно ругали.

— Сделаем перерыв! Эх, водицы бы попить! — объявила одна из них, рыжая, полезла было в карман. — Черт! А денег-то нет, сестра! Что будем делать-то?!

— Разве только попросим об одолжении этого молодого человека! — призывно улыбнулась Саше другая, черная, а лица были у них как две капли воды.

— Да, конечно, пожалуйста, сейчас стол закажу! — тут же откликнулся Кан, ему этого только и надо было, приятной компании, а после стал с ними знакомиться.

Рита и Брита, представились они, и действительно оказались родными сестрами, приехали сюда из Москвы по приглашению выступать в ночном клубе, перепевают дуэтом знаменитые рок-песни, всю ночь выступали, а денег им — мать их! — никто так и не заплатил. Но они не теряют надежды, а пока, чтобы свести концы... напросились в это кафе выступить, им пошли навстречу, даже гитариста выдали, правда, не очень умелого. В общем, выпили за знакомство, и Саша что-то рассказывал про себя, с каждой рюмкой влюбляясь то в рыжую, то в черную, то в обеих, а они все время бегали на сцену, поправляли гитариста, который разучивал новую песню.

Потом спели «No more I love you's» из Annie Lennox, по его просьбе, и голосили они так душевно, даже лучше самой Энн, что Сашу повело, он закрыл глаза и поплыл по волнам моря любви, а когда открывал их, то видел уже полный зал, гул и рукоплескания, и кто-то кричал: Дуэту «Вальсирующие» урраааа! И опять проваливался в свое море, нет, океан любви, после включался и видел, что все стоят уже на ушах, танцуют, а девицы пели уже King of pain, и опять нырял, погружаясь в самые глубины, зачем-то ходил по иллистоу дну и встречал там своих девушек из прошлого, из студенчества, своих нежных сладких подруг, они растерянно ему улыбались и хлопали ресницами как бабочками. Потом появилась Римма, превращаясь в этакую барракуду, все пыталась укусить его и высосать из него глаза, после промелькнула вдруг Лена с синими глазами и спасла его доброй волшебницей, а потом опять появились Рита с Бритой, которые стремительно подняли его со дна и уже тащили по вымокшей после дождя ночной улице, затем втокнули в машину, и следом опять наступил черный провал.

Проснулся он посреди ночи в гостиничном номере, на стене тикали часы, показывая три часа, слева и справа лежали девушки, Рита и Брита, он еще их помнил.

И прежде чем начать разговор, если не спали, он со стоном, сдерживая тошноту, сполз, подошел к столу, нашел-таки початую бутылку шампанского и запрокинул ее, спасительно вливая в себя вино. Уууххх!! Потом пошел в туалет, все шумно, с матерками, качаясь и стучаясь обо все углы, после вернулся, опять выпил шампанского, скинул джинсы и плюхнулся обратно с бутылкой в руке на кровать, прямо промеж девушек, вспоминая их вчерашнюю встречу и даже концерт.

— А почему вы — Рита и Брита, позвольте узнать?

И действительно никто из них не спал, или он разбудил их своими стонами и матерками.

— Рита и Брита — это артистические псевдонимы, вагинальный юмор, так сказать! — сказала та, что слева.

— Чего-чего?!

— Ничего! Дай глотнуть! — Саша передал ей бутылку, это была брюнетка-сестра.

— Ясно. А почему «Вальсирующие»?

— О, это длинная история! — сказала она и передала бутылку сестре. — Может, ты, Рита, расскажешь?

— С удовольствием! — отпила рыжая и начала. — Есть такой знаменитый французский фильм «Вальсирующие». Там два сексуально озабоченных чудака на букву «м», этикие вальсирующие по жизни, бегают в поисках любовницы, одной на двоих, ибо они, видите ли, друзья, неразлучные, все делят пополам, хлеб и женщину. И вот встречаются однажды некую Жанну, только что вышедшую из тюрьмы — ухаживают, одевают ее в новое, кормят, поят ее в шикарном ресторане, в общем, устраивают ей праздник, а потом ведут в номер, где проводят ночь любви втроем... А на утро Жанна выкрадывает у них пистолет, приставляет дуло к вагине — этакий черный зрачок! — и выстреливает...

— Как это?! — вздрогнул Кан и забрал бутылку.

— Вот я тоже в шоке была! — воскликнула Рита. — Когда впервые увидела... Это такое демонстративное самоубийство, она стреляет себе в ... так показывая миру, что больше ей она не нужна, после такой сладостной ночи любви, потому что ее молодые любовники, проснувшись и протрезвев, увидят ее, годящуюся им в матери, и убегут поскорей, стыдясь содеянного. А ей опять после двадцати лет тюрьмы останется одна Пустота...

— Пустота?! — опять вздрогнул Саша, только о ней и думавший.

— Да, тогда мы с сестрой после смерти родителей плохо жили, постоянно сорились, проклинали друг друга, все что-то делили, с обидами вспоминали родительскую любовь, подарки, парней... И вот, когда я посмотрела впервые этот гениальный фильм, это было как удар, я вдруг поняла, как нам надо жить, чтобы однажды не выстрелить себе туда, понимаешь?.. Я пришла к сестре, на ее съемную квартиру, все ей рассказала, объяснила, крепко обняла, мы поплакали. И после я сказала, что отныне мы будем всегда вместе, как в том фильме, только там мальчики, а здесь девочки, мы станем вальсирующими и будем искать всегда одного только парня, конечно, самого достойного, и будем его по-братски, по-сестрински делить. Как хлеб и вино!

— И что нашли? — осторожно спросил Кан.

— Кого?

— Парня!

— С переменным успехом! — захихикала брюнетка.

— А я вам подойду? — вдруг спросил Саша, сам себе удивляясь.

— Ты действительно этого хочешь? — удивленно спросила рыжая Рита.

— С тех пор как мы познакомились! — честно сказал Кан.

— А мы думали, что ты ничего не помнишь! — хохотнула Брита. — Тогда вперед и с песнями!!

— А с кого начнем?

— Конечно, с Бриточки! — сказал рыжая. — Она младшая, с некоторых пор я ей во всем уступаю!

— Спасибо родная! — улыбнулась сестра и раскрыла ему навстречу объятия, в которые Кан, еще со вчера, значит, полный страсти, бросился, как в омут, ни секунды не медля... И первым делом, пока он к ней пробирался, то есть ласкал, раздевал, целовал губы, шею, плечи, живот, груди, он понимал, что это не может быть обыкновенная случайка, перепихон, а это должно быть убийство... что?.. да, убийство любовью, страстью и похотью, если хотите, ибо он знал, что все женщины мира об этом мечтают, умереть от любви, а не от старости, бедности, одиночества, паскудных болезней, а именно от любви, и потому, наставляя на нее не дуло пистолета, а свою плотскую суть и свой вечный образ, а после влажно проникая в нее, он уже преследовал то нежное укромное ранимое существо, которое убежало от него по лабиринту страсти, он должен был догнать его и припереть, задушить в своих объятиях, так, чтобы она, Брита, действительно умерла и угасла, но с улыбкой благодарности на лице.

И пока она догорала, он, отныне любовник-убийца, могучий, как ураган, должен был обратиться к другой сестре, уже спокойно, со знанием дела, заволаживая ее своей дикой мощью, расплатать ее и, пока дрожали ее ресницы, грубым вором войти в нее, замирая на мгновение, чтобы после без усталости и остановки сотрясать все ее существо, физическое и астральное, а затем с убийственным воплем взорвать ее и себя, разлетаясь на атомы, на части... Что и происходило, и пока Кан сам возвращался к жизни, от звезд, из вечности, с черного неба, к физической точке в гостиничном номере на кровати, поднимая тяжелые веки, он тут же ловил наставленный на него взгляд, — Бриты? Риты? — которая всем своим существом говорила: и что же мне делать? я опять жива в этом гнусном постылом мире! Скорей приди и убей меня! И Кан приходил, обнимал, проникал и убивал, от сестры к сестре, пока сон не сморил его, но, казалось, спал он всего лишь одно мгновение, за которое понял, что эти женщины близки ему, уже как родные существа, с которыми он проходил все важные стадии жизни, рождения, смерти. И потому, проснувшись, первым делом он спросил у них, уже не спавших, они лежали в обнимку и с тревогой глядели на него, словно думали, что же теперь с ним делать, — он спросил их о дальнейших планах.

— Мы об этом как раз и думаем! — воскликнула Рита, так объясняя тревогу в своих глазах. — Нам давно пора в Москву! Но по-прежнему денег нет!

— А вчера вам не заплатили?

— Да! Но этого нам хватит только на прокорм! — сказала Брита и с укором посмотрела на Сашу, мол, ты обещал нас страстно убить этой ночью, а в результате мы снова живы и поэтому должны думать об этих проклятых деньгах!

— Хорошо, я помогу вам, — сказал Саша, опять же понимая, что эта идея пришла к нему во время его короткого сна. — Но мы поедем в Москву вместе, ведь я уже так привык к вам, сладким, нежным, но на поезде, чтобы было...

— Море любви! — воскликнули в один голос сестры и даже приснули от смеха. — Хорошо, мы согласны!

— Отлично! — улыбнулся Кан, нашедший выход, устраивавший всех. — Тогда поехали на вокзал за билетами.

И они собрались и поехали, купили билеты на поезд до Москвы на утро следующего дня, затем Саша поехал домой собирать вещи, а девушки решили прогуляться по городу, договорились встретиться вечером у них в гостинице. И Саша, придя домой, присел и стал думать, что же он будет делать в Москве, но думать никак не получалось, потому что он был влюблен или заморожен, кем, или какой сестрой, вероятно, обеими, они друг друга вполне гармонично дополняли, одна была вет-

ренная, нервная, вспыльчивая, импульсивная, другая, Рита, что постарше, более спокойная и взвешенная. А по темпераменту? — задумался он, вспоминая прошедшую ночь. — А по темпераменту было все наоборот. Рита огонь, с которой легко было подорваться на минах страсти, а Брита была вода, в которой было так сладостно раствориться...

В общем, он не мог о них не думать, поэтому быстро собрал вещи, проверил все краны, выключатели в доме и поехал обратно в гостиницу. И очень вовремя, потому что они уже были в номере, немножко выпили и стали спать как младенцы, потому что не выспались за прошлую ночь, и он лег рядом с ними, но после, под утро, Саша вновь почувствовал горячее дыхание Бриты, она, как всегда, начинала, и Саша вновь бросался в море любви... После вынырнул на берег Риты, которая на этот раз была суха, строга, постоянно его сдерживала, может, чтобы самой не разорваться на атомы, ибо времени оставалось мало, надо было ехать на вокзал.

Там, разместившись в купе и тронувшись, она взяла свое, горячая, страстная, жесткая, сдерживала свои крики, потому что младшая сестра спала, и теперь уже не он убивал ее своей страстью, а она его, жестко, словно рубила на части, а, попользовавшись, как-то просто цинично вытолкала его к Брите на полку, которая опять растворила его в себе, до самого донышка. Потом они пили, ели, тупо смотрели в окно, на пролетавшие мимо казахские степи, и Саша заснул, а когда проснулся, видел, как сестры сидели напротив, о чем-то шушукались, тогда он выпивал и звал к себе любую, как в гареме, вялый, расслабленный, утомленный ездой, и теперь уже не он брал их, а они его, так получалось, по очереди, словно натягивали его на себя, как одежду, причем старую, вот проклятая рутина проникла и в их отношения, они уже знали его наизусть, его тело, слабые места, привычки, темперамент, и страсти как таковой уже не было, а только похоть: попользовались — и пошел вон, особенно Рита, а младшая его еще жалела, как старого пса, поила его вином, и он опять спал, заканчивался второй день их монотонной езды, и он слышал сквозь сон, как кто-то приходил к ним в купе, уходил, опять приходил, женский голос, очевидно, проводница.

— Это кто? — спросила она.

— Наш любовничек. — захихикала Рита. — Уморился с нами!

— Понятно, — сказала бывалая и присела к нему спиной. — Вот я вам сейчас историю расскажу, которая произошла в моем вагоне, давным-давно... Послушайте!

И Саша, проснувшись, тоже стал слушать.

«Ехали в моем вагоне, в одном купе, мужчина и женщина. Да случилось так, что влюбились они друг в друга с первого взгляда. Понимаете? Но с ними были соседи, которые мешали им разговаривать, общаться. Они даже выходили в тамбур, чтобы покурить. Ехали, терпели... И вот Бог услышал их молитвы! И высадил их соседей, сначала одного, потом другого на нужных станциях. И тогда влюбленные, оставшись одни, прямо без слов бросились друг другу в объятия, поначалу утолили свою страсть, потом мужчина подошел ко мне и попросил никого не сажать, денег заплатил, и после они из постели уже не вылезали... Проехали все свои станции, там, может, мужья-жены их встречали, не знаю, а им по фигу, пролетели мимо, ибо счастье их теперь было только здесь, в купе, любили друг друга так, что стоны и крики на весь вагон раздавались, даже проводники из соседних приходили послушать, дивились и хихикали, и так день, ночь прошли, и опять день, ночь, и вдруг случилось непоправимое... Выбежала женщина из купе, в одной сорочке, и мычит, руками мне машет, мол, пошли со мной, я пошла, гляжу мужчина лежит вниз головой, абсолютно голый, и все его хозяйство наружу... Что случилось? Пульс потрогала, нет пульса, и не дышит, на следующей станции врачей вызвали, прибежали санитары, в общем, помер сладкий любовничек, сердце не выдержало, унесли его на носилках...

— А любовница?! — в один голос воскликнули сестры.

— А любовница с ума сошла... Все кричала: Еще! Еще-е!! Где мой?! ЕЕЩЩЩЕЕ!!! Ее тоже санитары унесли на носилках, привязали сначала...

— Какой ужас! — застонали девицы, а Саша, закрыв глаза, стал представлять все в картинках, и конечно, становился любовником, но живым, могучим, живее всех, бросался к Рите, Брите, в отличие от того, что в рассказе, у него было две любовницы, и они его принимали, сначала растворяли в себе, а потом взрывали и после разбрасывали его пепел по ветру, и он становился ветром, ласкавшим женские лица, выглядывавшие в окна, а потом поезд остановился, и ветер исчез, а Саша проснулся... Он продрал глаза, поезд действительно стоял. Как долго?

— Где мы?! — исторг он, и увидел проводницу в фирменном пиджаке. — А где мои девочки?

— Мы в Москве. Приехали. А девчонки твои ушли. — сказала проводница, явно чем-то довольная, и Саша узнал голос вчерашней рассказчицы.

— Как ушли?! А почему меня не разбудили?! — Саша растерянно озирался по сторонам.

— Значит, решили без тебя свой путь продолжить... Тебе вообще куда?

— Теперь не знаю. — обреченно сказал Саша, медленно присаживаясь, уже понимая, что произошло.

— Ты иди, помойся, в порядок себя приведи. Я хочу тебе одно предложение сделать, — сказала проводница, внимательно его разглядывая.

— Какое? — Саша, уже никуда не спеша, взял полотенце, щетку, зубную пасту.

— Напарник мне нужен, ты, девки говорили, работал раньше проводником... Ведь так?

Саша кивнул.

— Тогда иди, освежись, и обсудим, может, вместе будем ездить по миру. А?

И Саша пошел, в туалетном зеркале внимательно себя разглядел, был он несвежий, помятый, непривлекательный, не зря его бросили, стал чистить зубы и вдруг каким-то чутьем догадался, что эта проводница вчера рассказывала историю про себя, да, да, да... она и была той женщиной по имени Еще, и, может, действительно сошла с ума, а может, все придумала. Саша даже замер от внезапной догадки. А теперь она приглашает его к себе... Но судьба ее несчастного любовника совсем его не прельщала, и вообще он видел ее в первый раз!

Тогда он дочистил зубы, умылся, проверил паспорт в кармане, и вышел в другую сторону, сначала в тамбур, потом на выход, сошел на перрон. И пошел к Казанскому вокзалу, проверяя в карманах, что у него осталось. Вдруг нащупал записку, остановился, развернул ее и прочел следующее:

«Прости и прощай, Кан! Нам с тобой было просто здорово! Мы тебя никогда не забудем и, пожалуйста, помни о Черном Зрачке... Твои Вальсирующие».

Хотел сначала смять и выбросить эту бумажку, разозлившись, что они, коварные, его так обманули, но потом, аккуратно сложив, всунул в нагрудный карман, рядом с паспортом. А после благодарно им улыбнулся, а также исчезавшему на глазах морю, океану любви и, наконец, приходя в себя, двинулся дальше, в город.

ЛИШЕНЕЦ И ЧИНГИСХАН

Как только Кан спустился в шахту метро, он призадумался, а куда ж теперь ему ехать? Ведь у них с девчонками были такие грандиозные планы, поехать на Патриаршие пруды, там у них якобы находилась музыкальная студия, и устроить в ней тусовку, пригласить всех известных столичных музыкантов, они якобы всех знали, все бы пили, веселились, пели любимые песни, Саша читал бы стихи,

а потом, конечно, море любви, со всеми желающими... Ну, я и дурак! Простофиля! — захохотал во весь голос Кан, стоя на перроне, распугивая пассажиров.

И в то же мгновение решил ехать в свой родной Литературный институт, Тверской бульвар, 25, а куда же еще, никаких конкретных планов у него не было, там видно будет, может, кого и встречу... Но ждать судьбоносной встречи пришлось долго, он ходил по дворику, огибая статую Герцена, заходил в заочку, в туалет или просто посидеть, потом шел на Тверской бульвар, шел по любимому маршруту, мимо МХАТа, через здание ТАСС до театра Маяковского и обратно, опять заходил во двор. И, что странно, ни одной знакомой рожки так и не встретил, уже стал терять терпение, даже тихо паниковать, скоро вечер, куда же он денется, может, начать звонить, но кому, остались ли у него телефоны старых знакомых, да и захотят ли с ним связываться, московское гостеприимство «человек человеку волк» никто не отменял, как вдруг увидел Айдара Валиева и так ему заранее обрадовался, что тут же побежал к нему, выходявшему из столовой в сопровождении каких-то девушек, очевидно, поэтесс с младших курсов.

— Ва! А ты, лишенец, чего здесь делаешь?? — удивился тот непритворно.

У Айдара и Кана была давняя история отношений. Как только Саша поступил в Литинститут, Айдар Валиев, учившийся здесь на прозаика много лет, ну, в общем, двоечник, брал академки и оставался на второй год, а на самом деле, приехав из Казани, как он сам говорил, никуда не спешил, ему нравилась столица, и по поводу всей России у него было свое особое, впрочем весьма не оригинальное мнение.

— Везде татары, — говорил он Кану, как только они познакомились. — Явные или скрытые, и всем мы, татары, управляем на российской земле, например, я, как только вхожу в чиновничий кабинет, например, если вижу «наш», по чертам лица, сразу ему так хитро подмигиваю, независимо от того, как он называется, Лифшиц или Иванов. И все, считай, дело сделано, вопрос решен, причем четко, ясно, с поставленной целью, без всяких там русских проволочек, здесь даже... я недавно узнал, фашисты по сути своей татарские, прикинь, как была дана команда сверху, сразу парни татарские, джигиты, стали отряды формировать против черных... черных, хотя мы сами черные, вот хохма-то, да? Ну, а ты значит, Кан, в... Пномпене родился? Пхеньяне — аккуратно поправлял его Кан. Да один хрен! Ну, тебя и занесло! Да еще на русском пишешь! Ладно, ничего, бывает, империя всех примет, — успокаивал его Айдар. — Азиат азиату брат, если будут проблемы, найдешь меня, помогу, чем смогу! И так время от времени они в институте встречались, и Валиев, словно не помня, опять рассказывал ему про своих мудрых татар, вершивших судьбы русского мира, жалел его, лишенца, похлопывая по плечу, предлагая обращаться за помощью. И вот этот момент, кажется, наступил.

— Так ты как здесь, Сашок, оказался? — спросил Айдар после положенных дружеских объятий. — Говорю Сашок, а сам думаю, какой ты на хрен Сашок, Пном Пень какой-нибудь, а? — захохотал он и опять хлопнул его по плечу.

Это тоже была его манера поддевать по поводу национальности, но Кан, зная его хорошо или достаточно хорошо, не обращал на это никакого внимания. И вообще, как только появился на свет, сразу же с этим начал сталкиваться, увы, так по-мелкому, по-подлому устроен человек, и поэтому у Саши был к таким оскорблениям устойчивый иммунитет и, конечно, никаких иллюзий по поводу человеческой природы. В общем, он все ему рассказал, про развод, про вальсирующих, про море любви, и вот в результате оказался в столице, ни кола, ни двора, и может, он, могучий мудрый Айдар... — Он видел, как тот набухает от собственной важности. — ...сподобится ему, лишенцу, как-то помочь?

— Ладно, все ясно, тогда беги за пузырем! — скомандовал тот, и Саша пулей

полетел в ближайший магазин, радостно понимая, что, значит, все получится. Купил все необходимое, вернулся, вошли в заочку, нашли пустую аудиторию, открыли бутылку, помянули сначала, как положено, дух великого Андрея Платоновича Платонова, который жил по преданиям в одной из этих комнат, а по утрам мел двор, а потом стали разговаривать.

— Ну, что я тебе, Кан, скажу... — начал деловито Айдар. — Не ты первый, не ты последний из наших выпускников здесь оказывается. Сейчас все бегут в Москву, после распада империи, и все, конечно, ко мне обращаются! А к кому же еще? Кто еще так добр и мудр, как не я? Кто их еще так внимательно выслушает и поможет советом, как не Айдар Валиев, прекрасный русский писатель и широкой души человек?! Ааа?!

— За тебя! — разлил водку и поднял свой стаканчик Саша, искренне радовавшийся тому, что есть такой Айдар, которого он самым чудесным образом встретил и который всем своим однокашникам помогает.

— В общем, тут дело такое, — деловито продолжил Айдар, хрустя маринованным огурцом. — Есть две возможности работы для нашего брата. Первая. Ты пишешь в желтую прессу и соответственно общаешься со всякой швалью, прости-тутками, педерастами, убийцами, ворами, казнокрадами... И всех ты должен превозносить, преображать, писать, какие они умные, прекрасные, талантливые! Тьфу, ненавижу эту мразь! Но делать нечего, за это только и платят... Но если совершишь ошибку, неточность, перепутаешь имя, фамилию, биографию, сразу убьют...

— Как убьют? — вздрогнул Кан.

— Ну, вот недавно одного нашего в подъезде зарезали... фамилию говорить не буду... только за то, что усомнился в своей статье в том, что его герой заработал свои миллионы честным образом... То есть, понятно всем, что нечестным, но зачем об этом писать? Давай выпьем, помянем его, кстати, хороший Ванька был человек, и перо у него было острое...

И они выпили, помянули.

— Но я тебе сразу не советую. Во-первых, будешь ходить по заданиям, всегда будут оскорблять по национальности, чурка там, якут, косоглазый — такой у нас варварский угрюмый народ. Поэтому... есть другая возможность. Пишешь про кирпичи!

— Чего-чего?!

— Ну, про строительство и прочее! Сейчас в Москве строительный бум! И пресса про это соответственно востребована! Будешь писать рекламы, статьи про те или иные строительные, торговые фирмы, про их продукцию, про мебель, кухни, сантехнику, про унитазы, наконец!

— Про унитазы, наконец? — с ужасом переспросил Саша, глядя с тоской на Айдара.

— А ты че хотел, про Набокова, что ли? И чтоб тебе за это платили?! В общем, думай, но других вариантов не будет. Но я сказал, если хочешь со мной время от времени встречаться, чай там гонять, коньячок выпить, то выбирай второе. Иначе убьют, или калекой станешь, еще хуже... По-братски говорю тебе, или по-нашему, по-та-та-рски!

И Саша, делать нечего, немедленно согласился, и после выпивки был направлен в издательство «Стройинформ», метро «Сокол», где познакомился с директором и своим непосредственным начальником Виктором Лопатиным. Он его немедленно вспомнил, он учился на старших, то ли на поэта, то ли на прозаика, теперь это, увы, было неважно, грустно улыбнулся Витя, наливая ему и себе коньячок, все мы перед лицом реальности всего лишь навсегда журналеры, копирайтеры, в общем, писаки, — горько усмехнулся он, — и все мы, по сути, пишем про

унитазы, в которые... наши клиенты и спонсоры... «Ладно, не будем о грустном, — вздохнул он, сейчас пойдешь по такому-то адресу, здесь рядом, два квартала, найдешь Васю Юрко, он тебя устроит, а завтра к 9.00 на работу как штык, получишь задание, надо будет написать про один строительный магазин, вот тебе боевое крепление, заодно тебя и проверим».

И так Саша начал жить по новым правилам, даже можно сказать, законам, приходил на работу, получал задание, ехал на объект, знакомился с представителем компании, брал информацию, и после уже в коммунальной квартире, куда его поселили, писал статью или интервью. Соседи у него были разные, слева жил Володя, сантехник, пьющий, но добрый, особых хлопот не доставлял, а справа — азербайджанцы, торговавшие на рынке, тоже тихие, по вечерам слушали свою национальную музыку и ели непроданные помидоры и огурцы. Как ни странно, Кан очень быстро освоился с новой работой, по природе сообразительный, ловкий, быстрый, вдобавок имея техническое образование, он сразу же схватывал суть задания, задавал сотруднику фирмы необходимые вопросы, еще раз переспрашивал у него, что от него требуется, и после писал так, что все, и заказчики, и Витя Лопатин, был доволен. Тогда предложили писать в глянцевого журнала, который также издавался «Стройинформом», причем в рубрику «Дом, который построил сам ...», а дальше следовала известная фамилия. Тебе будет интересно, сказал Лопатин, ум у тебя живой, заодно узнаешь наш московский бомонд.

И Саша начал работать и для этого журнала, ему действительно было любопытно, что за общество образовалось в Москве, да и во всей родной ему стране, после развала социалистического строя и советской империи. Но спустя несколько месяцев был крайне разочарован. Почему? Он встречался с якобы знаменитыми актерами, актрисами, художниками, писателями, и все они хвалились своими домами, интервьюерами, выбранными ими архитектурными стилями, но когда он задавал вопрос, как они зарабатывали на такую роскошь, все они начинали темнить, лукавить, попросту врать, что трубадур Кан, умевший слушать свой тайный голос, вероятно, обладая звериным чутьем, немедленно чувствовал. И вдобавок непременно нашептывали коллеги, или московские тетки, всегда все знавшие про этот «бомонд». Например, если он писал интервью с актрисой такой-то, построившей себе великолепный дом на Истре в стиле хай-тек, то оказывалось, что заработала она на дом не своей актерской карьерой, а конечно, старый любовник дал, бывший министр, наворовавший у государства на сто поколений вперед, а до встречи с ним, общались ему милые женщины, она занималась эскортом, а до этого вообще стояла на Ленинградском шоссе. А если он брал интервью у какого-нибудь знаменитого художника, то оказывалось, что писал он не экспериментальные работы в стиле «новый авангард 21 века», как он сам объявлял, а портреты олигархов, высоких чиновников, казнокрадов, просто бандитов, убийц и воров, которые все у него получались абсолютными красавцами, и это понятно, и на которых он вышел через свою любовницу, жену министра внутренних дел. И так далее, и так далее. И все это Кану стало порядком надоедать, о чем он часто жаловался Лопатину, только пожимавшему плечами, мол, не хочешь, не пиши, найдем другого автора, а также Айдару Валиеву, с которым продолжал общаться.

Айдар раз в месяц приглашал его к себе на Большую Бронную, жил он там, конечно, не в своей квартире, а у вдовушки, еще молодой пышной женщины, у которой был богатый муж-антиквар, год назад скончавшийся от старости, и, глядя на нее, Кан немедленно вспоминал всех своих героинь-актрис, о которых он писал в постылый глянец. Но поскольку она, Эмма, была добрая, открытая, хлебосольная, Кан, сидя за накрытым столом, прятал все свои подозрения глубоко вовнутрь себя и внимательно слушал Айдара, который продолжал его нравоучать. «Да, мне уже сообщили, молодец, хорошо пишешь, не подвел своего старшего бра-

та! — стучал себе в грудь Айдар. — Но то, что ты ныть стал по поводу своих героев в интервью, Лопатину не нравится... А что ты думал, что человек может построить себе дом, просто работая артистом или художником? Нет, а только подставляя свою попу! Вот я не хочу подставлять, поэтому живу скромно и тихо... Однажды Эммочка, вдова еврейского антиквара, подобрала меня как бездомную собачку, — говорил он, уже подвыпивший, подмигивая мне своим хитрым татарским глазом, а Эмма, принося блюда, в ответ без устали хохотала. — Отмыла меня, накормила, напоила, распушила мне хвост как шикарному коту, уже не собаке... И встал я во весь свой двухметровый рост, вновь становясь тем, кем всегда и являлся... И кем, ты думаешь, я являлся? — Кан молчал в ответ, ожидая, что тот сам скажет. — Я есть прямой потомок Чингисхана, по нашей Валиевской линии, я, собственно, и есть сам Чингисхан!»

— О, слава Чингисхану! — воскликнул он и встал, предлагая жестом встать и Кану, тут же вбежала Эмма с бокалом чина, видимо, этот ритуал с гостями они уже совершали. — Выпьем за великого Чингисхана, несущего несчастным лиценцам и одиночным вдовушкам на Руси новое счастье в этой старой постылой жизни! Слава и ура!! — провозгласил он и выпил залпом целый бокал коньяка, после чего опьянел и упал на вдовушку, и разговаривать с ним после было бесполезно.

А Саша продолжал работать в строительном издательстве, уже тихо ненавидя свою работу, поскольку приходилось постоянно лгать, или, как поправлял редактор, фантазировать. Но однажды Лопатин дал ему задание, надо было сделать интервью с владельцем элитной хирургической клиники, который, подчеркивал он, уже никого из себя не изображает, а говорит всегда все как есть. Езжай, будет, правда, интересно! И Саша поехал, точнее за ним прислали даже черный джип, привезли в деревню, кругом густой лес, воздух чистый, как в раю, а вдалеке блестела под солнцем река, манила. Провели в дом и попросили подождать. Дом был огромный, как дворец, Саша стал осматриваться, везде окна в человеческий рост, много света и зелени за окном, деревья, кустарники, огромная подстриженная поляна, очевидно, для игры в гольф, а справа был бассейн с синей чарующей и опять же манящей водой. И Саше прямо захотелось, после всех своих коммуналок, раздеться и броситься в воду и больше никогда оттуда не выныривать, он так себе это зримо представил, что не заметил хозяина, подкравшегося к нему со спины.

— Здравствуйте! Я Афанасий Пернатов. Искупаться не хотите?

Саша вздрогнул, повернулся, уже с готовой улыбкой, научился или вымушт- ровали.

— Здравствуйте, честно говоря, очень хочется!

— Ну, тогда вперед! Купайтесь! А я попрошу принести напитки!

И Саша вышел к бассейну, преодолевая стеснение, разделся и нырнул. Ничего, он отличный журналист, профессионал, имеет право, и потом непринужденная обстановка обеспечит им свободный разговор. Когда он вылез, фыркая, слуга протянул ему полотенце, Кан вытерся, накинул рубашку, взял ручку и блокнот.

— Как теперь ваше самочувствие?

— Спасибо, отличное. Может, начнем?

— Пожалуйста, задавайте любые вопросы и, пожалуйста, пейте коктейли!

Саша еще раз поблагодарил, в такой курортной обстановке он еще не работал, и, может, это сильно расслабляло, тем более алкоголь, ну да ладно, мастерство не пропьешь, он сразу попросил рассказать Афанасия, с чего все начиналось. И тот стал рассказывать, что изначально работал мясником в обыкновенном советском магазине, потом их начальником, однажды уже в 90-е к нему пришли бандиты — он действительно все называл своими именами, без прикрас, и это Саше очень нравилось, — и спросили его, возможно ли сделать такую мясорезку, чтобы искромсать мясную тушу в пыль? Станный вопрос, не правда ли? — улыбнулся Афа-

насий, глядя на Сашу. — У меня были знакомые инженеры и слесари, в общем, все это дело я организовал, через два месяца им, заказчикам, представил. Взял обычную говяжью тушу, закрепил на разделочном столе, и покрыл ее сетью с «акульими» зубчиками, таков был механизм, затем включили в сеть, и за какие-то 15 минут, от туши ничего не осталось, только одна кровавая пыль. Мои бандитусы были просто в восторге! Так началось мое восхождение! Моих акул, так мы их называли, разбирали бесконечным потоком!

— Но вы же понимаете, для чего они на самом деле использовались? — включил свой гражданский пафос бывалый Кан.

— Конечно! После я спросил у них, зачем туши-то в пыль превращать? Можно же было растворять в кислоте, сжигать тела и так далее? А они за рюмкой признались мне, что их босс так много «делов понаделал», что ему по ночам снятся «они», в смысле туловища, тела, руки, головы оторванные, а когда они испробовали его «акул», страшные сны тут же оставили его в покое, представляете? Одна пыль теперь ему снилась красная, но это уже ерунда... И поэтому он готов покупать эти устройства у него тоннами и другим еще рекламирует, ведь этой кровавой бессонницей страдают многие в нашей стране, сказали заказчики, а после перекрестились. Так что, считайте, заключил Афанасий, я людей как раз и спасал своими изобретениями, только убийц, но ведь они тоже люди!

И после Пернатов, с которым Саше было действительно интересно, стал показывать свой огромный дом, каждая комната была исполнена в определенном стиле: рококо, барокко, классика, сталинский ампир, советский модернизм, лужковско-горбачевская эклектика, в общем, вся наша история!

— Отлично! — воскликнул немного опьяневший после коктейля Саша. — А сейчас вы чем занимаетесь?

— Так разве вы не знаете? Сейчас для души! Пластическая хирургия! Те же клиенты, бандиты уже постаревшие, приходят, меняют лица, потом делают новые паспорта, ну и красотки, конечно, тоже...

И тут раздался страшный вопль, выбежал слуга, что-то шепнул хирургу на ухо, тот извинился и побежал к двери, за которой вопли продолжались, и вдруг из комнаты выбежал какой-то страшный огромный человек, точнее туловище, обнаженное, все в крови, лица не было видно под волосами... Настоящий урод, как такое бывает? И бросилось к выходу, подлетело прямо к бассейну и прыгнуло в воду, которая тут же стала кровавой. За ним выбежали люди в белых халатах, среди них сам Афанасий, уже не обращая на Сашу никакого внимания. Страшно огорченный, тоже побегал к бассейну, вот столпились у кромки и замерли, то ли ловили урода специальными сачками, то ли оно, затихшее существо непонятного пола, уже захлебнулось в воде.

Тут к Кану подошел водитель, который его привез, и вкрадчиво попросил сесть в машину. Разговор был окончен, хозяин приносит извинения, и Саша послушно последовал за ним. В машине вопросов не задавал, доехали до метро в полном молчании, только на прощании качок передал ему купюру в сто долларов от хозяина и попросил написать хорошее интервью. Саша же кивнул, будет сделано, доехал до издательства, по дороге поменял деньги, купил две бутылки водки, закуску и поднялся в лифте на свой девятый этаж. Слава богу, в офисе никого уже не было, он закрылся, облегченно вздохнул, откупорил бутылку и без всякой закуски выпил из горла, после поставил чай и стал думать, что ему делать дальше.

Поздно вечером он возвращался домой пьяный, шел, шатаясь, по улице, вдруг вышел на освещенную автобусную площадь, словно это сцена в литературном кафе и, набрав в легкие воздух, стал орать, обращаясь к прохожим, получалась импровизация, о том... как же вы, люди, можете так смиренно жить, обслуживая всяких убийц, мясников, воров, бандитов, казнокрадов и прочих дебилов?! Люди ста-

ли останавливаться, слушать его, кто-то даже поддерживал, а кто-то, угрожая, заставлял замолчать. Ах, правда глаза колет?! — захохотал Кан в ответ и стал с тем же пафосом цитировать свою прозу, получалось совсем непонятно, а в ответ на угрозы заткнуться, он совсем распоясался и стал танцевать как бы танец шамана, спасающего человечества от явной духовной порчи, гниения и разложения, посылая тех или иных оппонентов куда подальше. В результате кто-то, какой-то, верно, фашист, по утверждению Айдара, татарского происхождения, подбежал к нему сзади и стукнул чем-то тяжелым по голове, подтверждая его, Кана, тезисы о том, что человек это всего лишь туша, мешок, полный подлостей, материал для мясорезки...

Как только он упал, на него набросились другие фашисты, стали бить ногами по телу, голове, ногам и рукам, с криками и оскорблениями, но тут чей-то пронзительный крик, даже вопль, прервал избиение, и все хулиганы бросились в стороны. И следом он увидел над собой коллегу по работе, бухгалтера, саму Ирину Михайловну, очевидно, шедшую после работы к метро, умную, строгую, добрую женщину, которая почему-то всегда, встречая Кана, жалела его, мол, ты чего здесь, лишенец, в таком злобном городе, делаешь? Она взвалила его себе на плечо, как раненого, и потащила к дому, ибо знала, где живут ее сотрудники, так спасая его от верной гибели, которую Саша и спровоцировал, очевидно, желая в крайнем отчаянии и ярости прервать свое постылое и такое бессмысленное существование.

ТОЛЬКО ПОЗОВИ

Знаете, что такое ад на земле? Теперь Кан знал это точно, проснувшись рано утром, всю ночь мучимый похмельем, а тело его... тело все было избито и изранено, он стал щупать лицо свое, шею, плечи, ноги и руки — ничего не поломали? — и так горько заплакал, от бессилия, от осознания собственной ничтожности, что в комнату к нему заглянул сосед, азербайджанец. Они, безусловно, видели в каком состоянии его притащила коллега Ирина, правда, он этого не помнил, сосед принес сначала тарелку с неизменными помидорами и огурцами, булкой хлеба, а после поставил перед ним банку с пивом, приговаривая, что это от Вовика, который сам встать не может по тем же причинам, но вот передал. Желая ему поскорей прийти в себя, добрый деликатный сосед, а как его по имени, Саша даже не знал, как же стыдно, он также тихо вышел. А Саша в первую очередь выпил пива, сделал большой глоток, уф, полегчало, потом откусил сочный огурец, отломил кусочек хлеба, опять выпил пива и, чувствуя, как становится легче, стал думать, что же ему делать дальше? Все тот же вопрос!

Он стал искать свой блокнот и вот нашел его в измазанном грязью рюкзаке, слава богу, его не украли, ведь там был его паспорт и прочие важные вещи. Он проверил документы, потом стал листать свою записную книжку, кому бы позвонить, переворачивал страницы, одну, вторую... двадцатую, о, боже, взмолился опять, у него даже настоящих друзей-то не было! К чему такая одиночная жизнь?! Но жить так, как жили те, у кого якобы были друзья, он тоже не хотел, потому что в критических ситуациях эти «друзья» всегда куда-то смывались, и оставалась убийственная горечь, какого хрена я в них верил, делился с ними, им доверял?! И Кан уже пролистывал свою записную книжку, скорей по инерции, чтоб после закрыть и выбросить, и вдруг промелькнуло что-то красным пером, он вернулся и прочитал:

«Только позови, продолжим наш замечательный разговор!»

Боже, это была Лена, с которой он так чудесно провел целый вечер и ночь, как друг, не как любовник и которая наизусть читала его прозу, а он, мерзавец, негодай, тут же забыл про нее, связался с лихими кусачими девками, пустился с ними

в пляс или попросту блуд, называя это морем любви, лох, дурак и пошляк, а теперь... теперь в нем, внутри и вовне, клубилась одна пустота! Надо было срочно все изменить, вернуть, позвать, точнее, позвонить, он встал и вышел в коридор, прошел мимо зеркала и опять завыл, даже согнулся от горя, лицо было все в синяках.

Ну ладно, и это переживем! — сам себя успокоил. Было утро, все еще спали, а у соседей тихо играла зурна. Он подошел к телефону и, старательно вставляя дрожащий палец в нужные отверстия, набрал номер, после чего пошли длинные гудки, он думал, что сейчас в Алма-Ате уже утро, значит все дома, тем более суббота, и значит Лена должна была ответить, и, вообще, под эти монотонные гудки, решалась вся его судьба сейчас, где ему жить, чем заниматься, служить ли ему литературным рабом в Москве и далее, спиваясь, или вновь счастливо писать свое, оставаясь отчаянным трубадуром? Вот в чем вопрос, самый главный вопрос в его жизни! И только он это продумал, как в трубке прозвенело звонкое: «Алло!»

— Лена, это ты? Это я, Саша! Который Кан, Кан, Кан...! — прокричал он так, что, кажется, все проснулись, повылезали из комнат, даже вечно похмельный Вовик в пол-лица выглянул, а Саша, уже не сдерживаясь, кричал, извинялся, объяснял, почему он пропал, даже плакал, потом рассказал, что с ним случилось, на что она тут же заверила его, что прилетит, первым рейсом, только словзи, он позвал, и пусть ждет его, никуда не выходит, он сообщил ей адрес и на этом закончил разговор. Потом взглянул на изумленных соседей, а они в ответ ему дружно захлопали, представляете, как на премьере, когда аплодируют чьей-то истории любви, начинающейся или продолжающейся, не важно, потому что знали, что без любящей и любимой женщины, мужчина, как бы он крепок ни был и каким бы самураем ни являлся, не может ничего.

А потом наступило ожидание, и Саша позвонил на работу, предупредил коллегу, что с ним случилось, да и главный бухгалтер Ирина Михайловна, его спасительница, наверняка предупредит начальство, и потому ему действительно можно было не выходить на улицу. Да и куда с такой рожей выйдешь? Но поскольку вязкие часы ожидания надо было чем-то занять и наполнить, то они, соседи, Саша, Вовик и Махмуд, хотя он мусульманин, скинулись на водку, пиво, закуску, чтоб поправить здоровье, приговаривал сантехник, он и сбегал, все принес, уселись, стали на кухне выпивать, время от времени его собутыльники, все-таки работающие люди, выходили по своим неотложным делам, Махмуд на рынок, а Вовик по заказам, а Саша, как всегда, оставался наедине с самим собой.

О чем он думал и переживал? О том, что, совершая выбор, человек меняет в корне свою жизнь, проживает ее в новых условиях, переживая, страдая по-новому, вот как сейчас он, и вдруг понимает, что это все было зря, или так не бывает, что зря, и все прожитое понадобится ему для чего-то? Вот о чем он думал, и не только сейчас, а всегда, а вопрос жизни и судьбы занимал его больше всего на свете, и он догадывался, что когда-нибудь наступят времена, когда он посмеется над всем, что происходит с ним сейчас, и, конечно, все это он опишет. Потом он пошел спать, водка действовала на него успокоительно и лечебно, синяки и ссадины ныли не так сильно, после он просыпался, опять шел к столу, пил и закусывал, а к вечеру, когда все собрались вновь, стал с интересом слушать, как его добрые соседи провели прошедший день. Махмуд хвалился, что наторговал, да с прибылью, по этому поводу принес еще бутылку коньяка, а также фруктов и овощей, а Володя тоже был весел, поскольку обслуживал щедрых клиентов и купил много вина и еды. По этому поводу был устроен праздник, мужики пили, пели, рассказывали, и Саша, глядя на них, радовался их простому счастью, выпивал и танцевал уже с Махмудом и Вовиком, взявшись за руки, популярный азербайджанский танец яллы. Когда в дверь позвонили, Кан не сразу понял, что это к нему, а когда увидел

Лену, растерянно хлопавшую ресницами, замер и страшно смутился, а потом повел ее в свою комнату, в которой осторожно обнял ее, готовый вот-вот заплакать.

— Мужчины не плачут! — шутливо предупредила она его.

— Еще как! — возразил он ей. — Настоящие мужики только и плачут, не стесняются!

— Хорошо, что у тебя есть соседи, да такие веселые... Не дают тебе угаснуть, а то я летела и все беспокоилась, как бы ты, как ранимый человек, не причинил себе какой-нибудь ушиб...

— Спасибо, что прилетела! — Он опять со слезами крепко обнял ее.

— Так только позови! Социальный проект! — попыталась пошутить она. — Ну, что мы будем делать? Полетим обратно, в Алма-Ату?

И Саша без раздумий закивал головой, и поскольку цель была определена, стало легче и яснее, они легли спать, как брат и сестра, как в ту первую ночь их знакомства. Как странно, думал Саша, засыпая, они не были близки, как мужчина и женщина, а она, Елена, немедленно к нему прилетела, а если бы были, думал он, произошла бы такая душевная близость между ними? И с этими вопросами он и заснул, и уже шел по какому-то темному коридору — опять коридору? — очевидно, его любимому пространству, а она, Елена, пряталась от него, в углах и разных нишах, а когда он спрашивал, зачем она это делает, она отвечала, потому что не уверена в характере их отношений... То есть, если бы она была ему жена или любовница, то она бы от него, во всем ему послушная, уже не пряталась! Так кто же я тебе? — вопрошала, наконец, она на полном серьезе, вдруг выпрыгивая из очередной своей ниши. Жена! Нет, любовница! — вдруг кричали Махмуд и Володя, выпрыгивая вслед за ней из другого угла, танцую тот же танец яллы, и на этом моменте Саша проснулся.

И увидел, что стояло утро, почти день, солнце вваливалось в окно, душно ложилось на подоконник, он встал, пошел умыться и почистить зубы. Ооо — боль в теле, руках, ногах и голове никак его не оставляла, а когда вернулся к себе, Лена, словно волшебница, воплотившаяся из воздуха, уже сидела в комнате и объявила, что взяла билеты на сегодняшний вечер. Так что он может спокойно собрать свои вещи, попрощаться с друзьями и доделать последние дела, если таковые имеются. А я пойду, прогуляюсь по магазинам, все-таки в Москву прилетела!

А Саша весь оставшийся день звонил на работу, еще раз поблагодарил Ирину, спасшую его от верной смерти, передал через нее привет Лопатину, потом позвонил Айдару, сказал, что «его лишенец» не оправдал доверия Чингисхана, и, может, они еще когда-нибудь встретятся. После он стал прощаться со своими добрыми соседями, пожелал каждому всего самого-самого, чего они сами себе тайне желают, и Володя даже всплакнул, а когда вернулась Елена, они все вчетвером даже выпили на посошок. После, собрав чемоданы, они вызвали такси и поехали в аэропорт, простояли очередь, прошли контроль, посидели в зале ожидания, наконец-то, сели в салон, в котором Кан мгновенно погрузился в сон, держа за руку Елену, чудесным образом спасшую его от разрушения и пьянства, и в этом новом старом сне все пытался выяснить характер их отношений, конечно, грядущих, которыми они будут жить, кода прилетят домой.

И этот сон, как странно, все никак не прекращался, то есть, конечно, Саша выходил из салона по прилете, получал багаж, ехал в такси, заходил домой, только для того, чтобы немедленно заснуть, то ли чтобы досмотреть сон про их с Леной отношения, то ли чтобы увидеть какой-то новый. И Лена, чуткая, мудрая, ласковая и заботливая, нисколько ему не мешала, приводила опустевший дом в порядок, варила обед, понимая, как он устал в Москве изо дня в день делать нелюбимую работу. А Саша уже видел, видел неведомые сны, сначала Махмуд с Володей спорили насчет характера их с Леной отношений — так кто же все-таки она ему?

жена? любовница? сестра? невеста? Потом они все, почему-то взявшись за руки, танцевали яллы, прыгая по длинному коридору, затем вдруг разверзлась глухая стена, и Саша вылетел по инерции танца куда-то вовне, а на самом деле в просторный вагон, ну да, он весь качался и по днищу стучали колеса, а в дальнем углу словно висело серое облако и клубилось, набухало, шептало что-то и словно манило его к себе. Но Саша почему-то испугался и пожелал пролезть обратно, в тот теплый уютный коридор московской коммуналки, но стена захлопнулась прямо перед ним, как двери в метро, он постучался и, делать нечего, вернулся обратно в вагон. За это время серое облако, словно рассердившись на него за его трусость, непослушание, уже висело в середине вагона, а из него высовывались чьи-то лица, о ужас, и вдруг он услышал до боли знакомое: «Саша! Саша! Приди и найди меня!» И следом: «Вот ты пришел и нашел меня!» И в тот же момент из облака выплеснулся мужчина, высокий статный белолицый азиат, и по его ободряющей улыбке он понял моментально, что это был его отец, хотя видел его только в младенческом возрасте и вряд ли запомнил.

— Папа? — пораженно исторг Саша.

— Он самый! — с заметным акцентом отозвался отец или его призрак, Кану было уже неважно.

— О, как я тебя звал и искал! — воскликнул он и бросился обнимать его, и вроде обнимал пустоту, но родное дыхание или дух, дуновение ветра, он все-таки почувял. — Почему так долго? Почему так долго ты не приходил?

Наконец, он отошел в сторону, чтобы увидеть, посмотреть, полюбоваться своим родным отцом.

— Потому что ты должен был поверить в меня, Саша, чтоб увидеть! Понимаешь?

— Не совсем...

— Это проверка. Или как проверка. Человек должен верить в чудо, и тогда оно происходит, воплощается в вашей земной реальности!

— Мы все время ждем вас в своем потустороннем, — вдруг задышало облако. — Но зачастую не дожидаемся!

— А это кто? — изумленно исторг Саша и попятился назад.

— Ребята! — по-царски махнул рукой отец, чтоб, очевидно, не пугали, и облако медленно поплыло обратно в дальний угол.

— Нас много, понимаешь, ушедших, — объяснял отец. — Не все ведь, помирая, хотя превратиться в пыль или ничто... Многие ведь еще полны интереса к вашей живой земной жизни, в которой остаются их близкие, любимые, родные...

— И потому они как бы живы? — спросил Саша, глядя на дрожавшее облако в дальнем углу, размером в человеческий рост.

— Даже без «как бы», мы просто живем и общаемся, переживаем за вас, обсуждаем, как хор в древнегреческой трагедии, своих героев, понимаешь? — заволновался отец и от этого стал говорить еще с большим акцентом.

— Мы и есть Хор! — вдруг выдохнуло облако, из которого следом вышел человек, статный мужчина с русыми волосами. — Извини, Хо Ын, тут я не выдержал, потому что это самый важный момент, который объясняет наше живое существование в потустороннем мире. Мы переживаем за вас, подсказываем, делаем знаки, что выбрать, как поступить, но вы ничего не видите и не слышите, продолжая совершать ошибки. Мы собственно и есть ваши боги, духи-покровители, но вы в нас не верите или разучились верить!

— А я? — не переставал поражаться Кан.

— А ты оказался чуткий, чувствительный, весь в отца! — улыбнулся отец и с гордостью покосился на своего русоволосого приятеля, у которого, очевидно, тоже был сын, но не такой, как его.

— И ты нам еще поможешь, когда мы снова встретимся! — подмигнул ему тот.
— А пока приходи в себя... Увидимся позже! А то хорошо тебя побили... — покачал головой Хо Ын.

— А как же я вас найду? — взмолился Кан, поправляя челку, тридцать три года искавший этой встречи.

— Только позови! — кивнул ему отец, зная, что эти слова не пустой звук для сына, тем более отныне.

И на этих словах Саша проснулся, протер глаза, вышел в ванную, туалет, потом по коридору, на кухню, увидел Лену, готовившую завтрак.

— Привет, родная! — он крепко ее обнял. — Сколько я проспал?

— Практически сутки. И как спалось тебе? — спросила Лена, внимательно его оглядывая.

— О, я видел такие чудесные сны! Казалось, бесконечные...

— Хорошо, потом расскажешь. А сейчас мне надо идти на работу, мы снимаем передачу про детей. — сообщила она, чмокнула в щеку и стала собираться, попрощав его никуда из дома не выходящий — Все на плите и на столе. Встретимся вечером! И вот телефон на всякий случай нашей студии, где я буду находиться.

И Саша не стал ее больше задерживать, потому что знал, чем займется один, ему уже не терпелось. Но сначала он, словно смакуя, выпил кофе, походил по квартире, по которой, если честно, после всех своих коммунальных углов так соскучился, поглядел в окно на людей, спешивших на работу. И, глядя на них, вдруг с испугом подумал, а если ничего у него не выйдет? В смысле новая встреча с отцом, его Хором... А вдруг все это только ему приснилось и никакого повторения больше не случится?!

Ооо! — застонал Кан и стал метаться по квартире уже как загнанный зверь, из комнаты в комнату, по коридору, но, тут же взяв себя в руки, стал себя успокаивать, как делал он это не раз перед любой непростой задачей, например, перед тем как написать очередной рассказ или повесть. — Спокойно, Саша, спокойно! Ведь это то же самое, как написать новое произведение, надо собраться, увидеть, представить и после просто записать, а сейчас ему даже записывать не надо, надо только представить себе тот вагон и серое облако и крикнуть, прошептать: ОТЕЦ!

«Отец!» — прошептал Кан, желая во что бы то ни стало увидеть отца, по которому он тосковал 33 года, даже зажмурился и после осторожно открыл глаза и увидел перед собой, о чудо, Хо Ына, за ним его русского приятеля, а в дальнем углу серое облако размером в человеческий рост. Но сейчас все это было как бы за стеной, ставшей прозрачной, он находился в гостиной, самой просторной комнате его квартиры, он уже не помнил, специально ли он сюда пришел, или случайно, но догадывался, что ничего случайного в отношениях с магическим Хором не бывает. Теперь он не мог обнять, например, отца, к нему прикоснуться, почувствовать его дыхание, как это было во сне, но видеть его он мог сколько угодно, и это было здорово!

— Получилось! — воскликнул он и помахал отцу и его другу, и даже облаку, в котором прятался весь хор, как он уже догадывался. — Получилось!!!

— С чем тебя и поздравляем! — улыбнулся отец и поздравил своего приятеля, которого звали Борис.

Теперь они стояли прямо перед ним, в двух метрах, за прозрачной стеной.

— Мы хотим, чтобы ты нам помог, — стал говорить Борис. — Всем кто в Хоре, а нас тысячи, десятки тысяч, сотни, как ты догадываешься, чтобы ты соединил нас с нашими земными родными! Для этого тебе надо научить их простому и сложному — в нас поверить, и поскольку ты все это прошел, через труд и пот, сквозь годы, тебе будет легче, чем кому-либо из земных. Понимаешь?

И Саша твердо кивнул.

— И с кого мы начнем? Вероятно с... — улыбнулся отец, глядя на Бориса.

— А можно мы начнем с Елены, моей подруги, помощницы, в скором супруги моей, которая и привезла меня домой, отец... — взволнованно предложил Саша. — У нее год назад ушла мама... К вам! Если она поверит в ЭТО, то мы с ней со всем справимся!

— Конечно, можно! — в один голос воскликнули они. — Но для этого тебе надо узнать все данные ее матушки...

— Хорошо, сейчас я ей позвоню! — воскликнул Саша. — Не уходите!

И те улыбнулись его мальчишеству, которое им импонировало, а он вышел в прихожую, подошел к телефону, набрал оставленный ею номер, позвонил Елене и, на ходу придумывая, что говорить, сказал, что им надо срочно посетить ее ушедших близких на кладбище, поскольку она теперь ему родная... Как, кстати, полностью звали твою матушку, в каком году родилась и умерла? Потом он все записал, Лена удивлялась его странному порыву, но, поскольку он сам по себе был стихийный и странный, сильно свое удивление не выказывала. В общем, Саша через искренность все у нее узнал, оставляя ее тоже взволнованной. Потом вернулся в комнату и сообщил все данные своим — ну, и как их теперь называть? — соратникам.

— Мы все узнаем, — пообещал Борис. — И когда она придет с работы, устроим сеанс, надеюсь, все у нее получится, ибо связь, как мы тебе уже говорили, зависит только от вас, живых.

— А пока сынок, отдыхай, ты слишком переживаешь, — улыбнулся отец, за ним улыбнулся Борис, и они мгновенно исчезли с волшебного экрана, а Саша, словно исполняя просьбу отца как приказ, там же на диване и заснул глубоким «пустым» сном, в котором никого и ничего на этот раз не видел.

А проснулся, когда его разбудила Лена, она была взволнована и хотела узнать, для чего он все-таки спрашивал данные ее матушки, и Саша, приходя в себя после сна, все ей подробно рассказал, а раньше были только намеки, о Голосе, об его тоске по нему, не оставлявшей его ни на минуту, об его мыслях о самоубийстве, какой смысл жить в этой вечной материи, в этом липком пахучем вареве, без голоса и цели, и о том, что таким чудесным образом произошло буквально вчера, — об его встрече с Отцом и его Магическим Хором. И, сделав паузу, он продолжил:

— И я узнал про тебя, про маму, узнал Там, способна ли она встретиться с тобой после смерти?

— После смерти? — затаенно повторила Лена.

— Ты вообще видела ее после смерти?

— Только в своих снах.

— Тогда закрой глаза и призови ее вновь, всем своим существом, душой и духом. А я вызову Отца и Хор! — И он мысленно призвал их, уже без слов, и тут же они появились, а рядом с отцом шла растерянная женщина с добрым лицом, тихой улыбкой, заплаканная, в домашнем платье, то есть в том самом виде, в котором ее забрала смерть.

— Ну, ты готова? — обратился Саша к Елене. — Она под комочками твоих век? — Лена закивала. — Тогда открывай глаза!

И Лена открыла глаза и стала напряженно всматриваться в стену, словно настраивала зрение, фокус, и вдруг увидела то, что Саша видел прежде нее, маму, стоявшую прямо у прозрачной стены, с той стороны.

— Мама! — взмахнула она руками и заплакала.

И Саша тихо вышел из комнаты и видел, как отходили, пятясь назад, в темноту, отец и Борис, к светившемуся теперь большому серебристому облаку.

Он стал ходить по квартире туда-сюда, волнуясь, словно перед экзаменом, от окна, выходящего в пустынный двор, в котором одиноко ходила женщина, веро-

ятно, кого-то ждала, к другому, из которого видна была улица, и по ней ехали машины, шли люди, жизнь протекала своим незатейливым ходом. И, вероятно, вместе с ним в этот момент на улицу смотрели и невидимые «мертвые» участники Хора, искали глазами своих знакомых и родных, надеялись, переживали, мечтали, что однажды они встретят своих близких, так же, как сейчас это случилось с Леной, и он, повелитель стен, потом отчаянный трубадур, а теперь просто медик, непременно им в этом поможет. И тут же раздался голос, Лена звала. Кан пошел к ней навстречу, и, увидев ее заплаканное счастливое лицо, крепко обнял ее без слов, поднял на руки и понес в спальню, там все так же молча они легли на кровать. И, глядя друг другу в глаза, давно соединившись внутри душами, снимая с себя одежды, как последние преграды, стали нежно, с тихой страстью, растворяться друг в друге, превращаясь в единое целое.

На следующий день опять был сеанс, теперь Саша с посвященной Леной, встретившись с Борисом и отцом, говорили по делу.

— Это дело, которое мы сейчас с вами обсудим, — сообщал им Борис, похожий на бизнесмена и очень образованного. — Придуманно не нами, а еще в конце 19-го века был такой русский философ Николай Федоров, который мечтал воскресить людей, не желая примириться с гибелью даже одного человека. Слышите, как мощно звучит? С помощью науки он намеревался собирать рассеянные молекулы и атомы, чтобы «сложить их в тела отцов». Представляете, какое невероятное дело он затеял?! И назвал он все это Философией Общего Дела! То есть все, чем мы после с вами, дай бог, займемся, есть наше общее дело. Соединять мертвых и живых, или нас, участников Хора, с нашими близкими и родными, живущими на земле.

А теперь конкретно! У меня в Алма-Ате есть сын, собственно на этой почве, Саша, я с твоим отцом и сошелся. Да, Хо Ын Кан? — он взглянул на отца и тот закивал, светясь и улыбаясь. — Зовут его Вениамин, или просто Веня, по которому я сильно тоскую, но он никак не хочет услышать меня. Слишком прагматичный парень, рационалист, вдобавок бизнесмен, которым не положено думать о потустороннем... Вдобавок я развелся, оставил их с матерью, долго его не видел, а потом еще и погиб, трагически, так и не успев пообщаться с сыном. В общем, я потерял всякую надежду установить с ним контакт! И вдруг появляешься ты, Саша!.. Я прошу тебя, позвони ему, он будет ругаться, посылать тебя к чертовой матери, называть оккультным мошенником, который разводит его на деньги... Но я скажу тебе имя, как пароль, которым я его ласково называл в детстве, о котором никто кроме нас двоих не знает!. Подойди ближе! — И он прошептал имя Саше на ухо. — Ты ему скажи все это по телефону, и тогда вы встретитесь. Ну, а если и это не пройдет, то, значит, увы, не суждено!.. А если он все-таки поверит вам и нам, поверит в наше существование, в наш Хор, в наше Общее Дело, то мы с ним, во-первых, встретимся, а после он всем нам поможет финансово, осуществить это важное дело по соединению мертвых и живых. Ну, как, попробуешь? — И Саша твердо кивнул. — Тогда запиши телефон, это его компания, там разберешься. — И продиктовал номер и фамилию.

И Саша, не откладывая на потом, стал звонить, причем по многу раз, сначала сказали, что он на совещании, потом отъехал, потом на обеде, потом стали спрашивать, кто звонит, и Саша напрямую, ничего не выдумывая, сказал, что он друг отца Вениамина, и звонит по важному делу, он хочет сообщить нечто важное об его отце... И тут же он услышал мужской голос, самого Вениамина, который, значит, слушал параллельно, он представился, спросил, что ему конкретно нужно от него. И Кан так же эмоционально, волнуясь, сказал, что им лучше встретиться, он передаст сообщение от отца, которое он оставил ему после неожиданной смерти. И как ни странно, сын ему поверил, видимо, интонация Саши была искренней, и договорились они, что Веня подъедет после работы к нему прямо домой.

После он тут же предупредил Бориса, что сын его будет здесь вечером, чтобы он подготовился, морально, духовно, мистически и магически, как там у них, в их укромно-потустороннем мире, положено. Борис улыбнулся, кивнул и исчез, а Саша стал думать, как им с Леной организовать это дело под названием «Только Позови», так он уже его называл, чтобы все работало и соединялось, в каком виде представить в обществе, клиника ли это будет психотерапевтическая или некий духовный центр, чтобы люди им поверили и пошли, не путая их со всякими колдунами, мошенниками, проходимцами. На самом деле это был главный вопрос, которым он так увлекся, что совсем не заметил времени, а очнулся, когда в дверь позвонили. О боже! Уже было шесть часов вечера!

Он открыл дверь, и в квартиру решительно вошел рыжеволосый мужчина, в сущности, парень, стал оглядываться по сторонам, словно его ожидала здесь засада, затем поздоровался с Сашей и, наконец, спросил: «Так что вы мне хотели от отца передать?» И Саша сказал, конечно, он заранее к этому разговору готовился.

— Послушайте меня и, пожалуйста, не перебивайте! У меня был отец... — И он рассказал свою историю, всю, с начала до конца, потом о своей встрече с Хо Ыном, назовем ее мистической, потом про знакомство с Хором, с Борисом, вашим отцом, потом об его просьбе...

— В общем, вы медиум очередной, — прервал его Вениамин. — И что вы мне предлагаете?

— Называйте меня, как хотите, но я предлагаю вам встречу с вашим отцом, не в каком-то бреду или трансе, а настоящую, вам надо просто вспомнить об отце, те, вероятно, не очень протяженные периоды вашего общения, в глубоком детстве, он очень просил.

— Оттуда?! — насмешливо воскликнул Вениамин, показывая большим пальцем себе за спину. — Просил?!

— Поймите, это для обывателя все потусторонняя хрень! А для думающего, переживающего, чувствующего человека это главный смысл его существования, преемственность, если хотите, духовная основа, цитадель... ОНИ давно ждут нас, потому что они мудрее. Надо просто верить в то, что это возможно, но у меня же получилось... Поэтому Борис и попросил меня.

— Хорошо, что надо делать?

— Пойдемте! — Кан привел его в гостиную, посадил на диван перед просторной чистой стеной, впрочем, как удобно, можно стоять. — Вам надо сейчас сосредоточиться и вспомнить все то хорошее, что все-таки было у вас с отцом! Может, даже во снах! Закройте глаза! И начните спокойно, не спеша!

И в тот же момент Кан увидел, как стена засветилась с той потусторонней внутренней стороны, он увидел Бориса, медленно приближающегося к ним, замороженного глядевшего на сына, а позади него, в глубине, дрожало Облако Хора. Вениамин же сидел с закрытыми глазами с каким-то неодолимым страданием на лице, словно ничего у него не получалось, о чем он и сказал:

— Знаете, я все время вижу только одну картину, как отец уходит из дома, я смотрю в окно, порываюсь побежать за ним, а мать крепко держит меня за плечи. И все! Больше ничего не получается!

— А в детстве, игры, походы в кино, в горы, в гости, наконец, нет?

Вениамин же упорно мотал головой, все это отрицая.

— Послушайте! — вдруг вспомнил о просьбе Бориса Саша. — Я знаю, как он ласково вас, маленького, называл, он сказал это в конце своей просьбы!

И Саша увидел, как возбужденно закивал головой Борис за прозрачной стеной.

— И как же? — удивленно спросил Вениамин, словно сам не помнил.

И Саша склонился к нему и прошептал ему на ухо.

И тут произошло нечто невообразимое: Веня замер, потом закрыл глаза, веро-

ятно, что-то вспоминая, и вдруг зарыдал, закрывая по-детски лицо ладонями, да так, что затряслись его плечи. Потом вдруг отнял от лица ладони и закричал в никуда: «Негодяй, я тебя ненавижу!!» И вдруг уставился глазами в стену, а потом увидел отца, бросился к стене, ее словно обхватывая, и закричал: «Папа!!!»

И Саша, облегченно вздыхая, тут же вышел из комнаты. Вот, у него получилось, и, значит, будет получаться далее, он опять стал ходить по квартире, как тогда, когда Лена встречалась с мамой, но тогда он был напряжен, весь в тревоге, получится или нет, а теперь он был в этом уверен, главное, наладить дело, их общее человеческое дело, общаться с ушедшими близкими, а после пойдут ученики, которые будут обучать других, и, в конце концов, мечтательно глядел в окно Саша, через много лет, уже владея этими потусторонними навыками, все человечество станет счастливее и светлее. Потом он услышал голос Вени, он бросился к нему, заранее улыбаясь, а тот был крайне возбужден, ну, конечно, разве такое бывает, а если все-таки да, то значит, жизнь его действительно переменится к лучшему.

— Ну, как ощущение? — сразу же спросил Саша.

— Все хорошо! — учащенно дышал Вениамин. — Мы договорились с... отцом, в общем, я вам помогу! Подумайте и напишите, что вам потребуется. Что касается помещения, то можно устроить все в моей фирме, как раз сбоку главного офиса есть вход, раньше там был конференц-зал, можно поставить перегородки и принимать там людей, — говорил он деловито, вот что значит бизнесмен. — В общем, встретимся в ближайшее время и все обсудим, а сейчас мне надо побыть одному.

— Конечно, пожалуйста... — улыбнулся Кан. — Только последний вопрос. Вы хорошо поговорили?

— Все хорошо. — вздохнул Вениа. — И вам спасибо огромное! Что уговорили прийти и попробовать. Был бы кто-то другой, менее страстный и тонкий, я бы просто послал его подальше! А вы, должны сказать, умеете убеждать! Ладно, увидимся! — улыбнулся он, хлопнул его плечу, уже по-свойски и вышел из квартиры, а Саша, улыбаясь, облегченно вздохнул.

А потом, через пару дней, они встретились, Вениамин был с помощницей, очаровательной девушкой с прической каре, они осмотрели зал, о котором он говорил, но Саша решил, что все-таки нужны отдельные кабинеты, поскольку дело это сугубо личное, интимное, требующее уединения.

— Хорошо! — сказала девушка, настоящий профессионал. — Там, за залом, есть коридор и несколько комнат, раньше мы там принимали людей, когда наше дело только начиналось. Вы помните, Вениамин Борисович? — обратилась она к шефу.

— Да, теперь действительно Борисович! — как бы невпопад ответил ей Вениамин и незаметно подмигнул Саше. — Говорите, наш первый офис? Конечно, помню! Пойдемте туда!

В конце концов, помещение выбрали, быстро сделали в комнатах ремонт, привезли необходимую мебель, в первый день открытия уже, представьте, принимали людей, пришедших благодаря сарафанному радио, у того же Вени было много желающих установить контакты с ушедшими близкими, и Саша с Леной, пока вдвоем, принимали их, разговаривали, спрашивали, убеждали, у кого-то сразу получалось встреча «у прозрачной стены», а у кого-то нет, требовались дополнительные сеансы.

— Если дело пойдет, — говорил Борисович, часто их посещавший, — а ведь оно точно пойдет, я знаю, то устроим торжественное открытие клиники под названием...

— «Только позови!» — воскликнули в один голос Лена и Саша.

— Да, правильно, емко и просто, и будем набирать штат, а пока работайте, ребята, старайтесь, я вам буду платить, поскольку жить-то вам как-то надо, а после клинику заложим в бюджет, — сказал бизнесмен и опять ушел по своим делам.

Одиноких Мужей, того самого, который плакался, получив от стервозной жены кличку «Безмозглый осел». Саша ему обрадовался, а тот был по-прежнему печален, да нет, он находился в глубокой депрессии, поскольку не имел работы, а стерва-жена его уже не пилила, а била, дубасила, причем на глазах у изумленных детей, в результате терявших к отцу всякое уважение. Когда Кан все эти жалобы от него услышал, он пригласил его к себе в клинику, поговорить, там решим, что делать, и Тимур, конечно, пришел прямо на следующий день. Как раз клиентов не было, и они спокойно поговорили с ним на тему, кто ему в его жизни особенно дорог. И Тима признался, что, конечно, брат, увы-увы, погибший несколько лет назад в ужасной аварии, и он по нему очень скучает, причем как-то Кан возвращался со своей новой работы и встретил на улице знакомого Тимура из Клуба. Рафаил, так его звали, как старший брат очень его опекал, и если бы он был жив, он бы не позволил этой стерве Розе так над ним издеваться, и вообще не допустил бы их брака.

Саша записал все данные погибшего брата и снова назначил ему сеанс, предупредив, что, быть может, он устроит Тиме с ним встречу. Причем тот даже не удивился этой возможности, ибо сам в такую духовную практику безоглядно верил. Тем более постоянно пребывая на этой земле в отчаянии, он уже не воспринимал земное, житейское всерьез, а верил только в чудо, в чудеса. И вот в установленный день Саша совершил с ним сеанс, в котором Тимур таки встретился с любимым братом. Саша вышел и пошел в кафе вместе с Леной, обсудить ее дела, поскольку поговорить о личном при таком новом графике они порой не успевали. А когда вернулся, то застал Тимура абсолютно счастливым, огонь горел в его глазах, ведь он теперь уже сам умел вызывать брата — только позови! — и, конечно, сердечно благодарил Кана за это приобретенное им умение. Попрощались после долгих крепких объятий, может, больше не увидятся, пожелав друг другу удачи и счастья.

Но буквально через день в клинику нагрянула полиция. Впереди них шла какая-то шумная, злобная, яростно ругавшаяся женщина, при этом ядовито плевавшая во все стороны, с безобразной шишкой волос на голове. Когда стали выяснять, в чем дело, она махнула на мужчину, стоявшего поодаль. Там, за пределами клиники, стоял понурый человек, в котором Саша с удивлением узнал своего друга, значит, все-таки предавшего его. Эх, ты! Тимур не решался войти вовнутрь, стыдясь Саши. А Роза, так звали его жену, жаловалась полиции, что этот мошенник Кан обобрал ее глупого, «клинически тупого» мужа, произведя с ним спиритический сеанс, после которого «этот идиот» стал разговаривать непрерывно со своим покойным братом. Который приказывал ему — бесилась она уже, — немедленно бросить жену и детей! «Посадите этого мошенника в тюрьму!! Ведь мертвого брата уже не посадишь!!» — делая странный вывод, завопила она, очевидно, имея на полицейских большое влияние, ибо после ее тирады они без объяснений схватили Сашу, заломили ему руки, надели на него наручники, и на глазах у пораженной, пытавшейся остановить их Елены, увели прочь. «А ты, жена ему, поди? Ясненько, значит, банда!! Мы и за тебя скоро возьмемся!» — крикнула ей на прощание эта ужасная женщина, и Лена, оставшись одна, от такого хамства, в бессилии, приседая прямо на пол, просто заплакала.

ПОЕЗД-РЕКА

И действительно, это была не шутка, Сашу привезли в департамент полиции, провели до камеры, сняли наручники, посадили вовнутрь. Вскоре раздался обратительный и уже знакомый голос Розы, которая с очередными угрозами поднималась к следователю, вела она себя здесь как хозяйка, словно была дочерью начальника полиции всего города. И вскоре Сашу повели «сдаваться», а навстрече-

чу ему шла уже очень довольная собой стерва с шишкой на голове, фыркнула что-то, чуть ли не плюнула, и опять пообещала, что будет сидеть он в тюрьме до конца своей жизни.

В кабинете нервный следователь сразу же набросился на Кана, стал его спрашивать, какими средствами он опаивал несчастного Тимура, мужа гражданки такой-то, что после такого сеанса он стал разговаривать с покойным братом? Или под гипнозом? Говори, мошенник, все равно сидеть тебе по полной! Но Саша не стал ему все объяснять, определенные люди, злые, ущербные, неполноценные, просто не способны будут понять существо их общего дела, привыкшие общаться только с реальными людьми или предметами, бить их, использовать, унижать, предавать.

Поэтому без объяснений он вернулся в камеру, дежурный впустил и закрыл его, а Саша стал думать, как же ему быть дальше. Как же отсюда выбраться, ведь дел в клинике было невпроворот, и тут же появилась, прорвалась к нему Лена, милая, дорогая, принесла еду в пакете, термос и бутерброды и сказала, что обязательно добьется встречи с начальством и все ему объяснит, а Вениамин, который уже в курсе, подкинул своих знакомых ментов. Затем пришел дежурный и строго попросил гражданку покинуть заключенного, и Лена, крича и маша ему, заверяя в скорой помощи, удалилась. Саша ж, оставшись один в камере, внимательно ее оглядел, она была угловая, то есть две стены перед ним, он уже подсознательно искал глазами эти плоскости, потому что за ними, как объяснял ему Борис и отец, они, члены Хора, и таились. За любыми? — спросил тогда удивленный Саша. Да, ибо для нас все стены — стена! И действительно, когда в коридоре совсем стихло, только из дежурной тихо раздавались голоса, на экране стены, той, что прямо перед ним, появился отец, его призрак.

— Не беспокойся! — тут же заверил его Хо Ын. — Тебя скоро отпустят! Ну, еще денек посидишь, не более.

— Откуда ты знаешь?

— Так мы же еще, ко всем своим сверхчеловеческим способностям, — улыбнулся он, — и пророчествуем. Вот я, например, знал, что мы с тобой однажды встретимся. Даже Борису об этом говорил, а он не верил.

— Слушай, отец, вот скажи мне... — тихо сказал Кан, словно кто-то мог услышать. — я много об этом думал... Когда ты обнаружил, что мы из Кореи уехали и больше не вернемся, что ты делал, как себя чувствовал?

— Плохо было! — вздохнул он. — Перестал ходить на работу, постоянно пил водку, сестра приходила, потом родители, все пытались меня вызволить из этого состояния.

— Прости, отец! — заплакал Кан, даже закрыл лицо ладонями.

— Не плачь! Мы же теперь вместе, — спустя паузу сказал отец.

— А что с матерью? — задал Кан свой главный вопрос. — Ты хотел бы ее увидеть?

— А ты сам как думаешь?

— Да, надо бы... Во хохма-то! Однажды приведу ее на сеанс!

— Ладно, поживем, увидим... Кстати, насчет сеансов! У нас с Борисом есть к тебе задание. Как раз здесь у тебя будет время об этом подумать.

— Да! — усмехнулся Кан. — Нет худа без добра. И о чем вы хотели попросить?

— В общем, когда наше Общее Дело разовьется, как все эти наши встречи живых и мертвых в архитектурном смысле устроить? Понимаешь меня? Вот ты или вы, живые, сидите у себя дома и с нами разговариваете, а нам где находиться? Ну, в смысле у нас нет пока единого пространства, в котором мы, ушедшие, могли бы находиться, чтобы встречаться с вами или просто ждать этих встреч, или просто друг с другом разговаривать. Теперь понимаешь? А нас же много, миллионы ушед-

ших, из всех времен и народов. Подумай об этом, ты же писатель, а значит, архитектор, строитель... А завтра мы все обсудим. Договорились?

И на том они попрощались до завтра, и Саша, оставшись один, стал вспоминать рассказ отца и задремал. И было так тихо вокруг, во сне и вонне, что он просыпался от такой тишины, словно он находился не в полицейском отделении, а на самом краю земли.

Наутро, когда его вывели в туалет и умыться, он спросил у дежурного, почему в отделении стоит такая тишина, в смысле, вчера днем и вечером, и сегодня утром, словно все ушли на фронт. Так действительно, ответил тот, всех вызвали для поимки одного обнаглевшего вора, который обокрал самого министра внутренних дел... Да вы что? — удивился Кан. — И долго его будут ловить? Да кто его знает, как бог даст! — сказал тот и запустил его обратно в камеру.

А потом пришла Елена, очень возбужденная, и сказала, что сейчас разговаривала с начальником отделения, сторожила его у кабинета, рассказала его несправедливую историю, попросила разобраться, иначе она сделает на телевидении передачу про еще один департамент, в котором работают недобросовестные полицейские. И тот полковник полиции по имени Алихан Сакенович пообещал все выяснить. Так что, скоро справедливость будет восстановлена! А потом его посетил отец, и Саша рассказал, какое художественное пространство он придумал в ответ на его просьбу, как это будет выглядеть и работать в деталях, и отцу все это, без лишних вопросов, понравилось. Он сказал, что они тут же начнут все это строить.

— И сколько вам потребуется времени?

— Один час, — улыбнулся отец.

— Как так? — непритворно удивился Саша.

— Ты забываешь, это у вас вечный долготрой, потому что связано с людьми, их хотением, послушанием, самочувствием, в общем, несовершенством, а у нас, так сказать, гениев, полубогов, все происходит быстро! Если есть достойная идея, то тут же все претворяется! Пойду сейчас расскажу Борису о твоём проекте. Прямо не терпится! А под каким он будет названием?

— Поезд-река! — немедля ответил Саша.

— Да, отличное название! Ладно, будем воплощать! Когда вернешься домой, все увидишь, пригласим вас с Еленой! Что, кстати, она сказала насчет твоего освобождения?

— Да вроде пообещали разобраться!

— Отлично, я же говорил! — сказал отец, кивнул и исчез с экрана, со стены, и Саша подумал, вот как странно, человек или его сущность, личность обитает в потустороннем мире, а ведет себя порой как азартный мальчишка!

А через час Сашу под конвоем вызвали к начальству, как Лена и обещала, он знал, она настоящая волшебница, когда вошел в кабинет, в нем сидели двое, один в форме, значит, начальник, другой в штатском, поодаль, у окна, тихо курил в фторточку.

— Ну, рассказывай, Кан, что ты натворил? — обратился к нему Алихан Сакенович, и Саша сразу понял по лицу, что это мужик добрый.

— Ничего незаконного, господин полковник!

— Товарищ скорей, — поправил его дальний. — Мы все-таки люди во многом советские.

— Да, товарищ полковник...

— Чем вы конкретно занимаетесь? — спросил начальник.

— Скажу, как есть. Мы соединяем живых с их ушедшими близкими. Или учим их видеть и слышать дорогих сердцу людей, казалось бы, умерших, а на самом деле духовно живых.

— Это как это? — напрягся полковник.

— Нам только кажется, что наши ушедшие это мертвые, на самом деле они живы, смотрят на нас, переживают, волнуются, именно так я и встретил своего отца... — сказал Саша и замер, не зная, что за этим последует.

И наступила пауза.

— А я в это верю, Алике! — вдруг сказал тот, что в штатском, идя к ним. — Я, например, тебе не говорил, не знал, как ты к этому отнесешься, но я время от времени общаюсь со своей Кларой... Она ко мне действительно приходит, вот уже на протяжении года, как ушла. — И, обращаясь к Саше напрямую, спросил: — А как вы живых с мертвых соединяете? Посредством гипноза, внушения, или еще какие-то практики?

— Нет, мы просто просим пациента вспомнить максимально об ушедшем, как в прошлом, так и в своих снах. Затем я подключаю своего отца, который есть мой проводник в Потустороннее, и он уже соединяет моего подопечного с его родными покойными.

— И получается? — спросил Алихан.

— Да, рано или поздно. Все зависит от самого человека, насколько он верит в дух и образ своего любимого человека.

— А можно я приду к вам на прием? — вдруг спросил тот, что в штатском.

— Да подожди ты, Ермек Бектасович! Ты мне еще здесь приемную для колдунов и магов устрой!.. А чего эта Роза так обозлилась на вас?

— Потому что до этого я «лечил» ее мужа Тимура, помог ему установить контакт с ушедшим братом, после чего, вновь послушав его, он решил с ней расстаться...

— Ах, вот оно в чем дело! — закивал головой полковник.

— Это что за Роза?! — спросил Ермек Бектасович. — Которая дочка твоего предшественника?

Тот кивнул.

— Да она же стерва еще та! — вдруг выкрикнул Ермек. — Как и ее папаша, твой предшественник.

— Да тише ты!

— А чего «тише», ты же видишь, он парень хороший, причем важным делом занимается! Мы все ведь просто тоскуем по ушедшим родным! Я, например, плачу по своей Кларе, жене моей любимой! — вдовец опустил голову и вытер слезу. — И отпусти ты его, Алихан, просто стыд берет!

— Видишь, как полковник тебя защищает! — усмехнулся начальник. — А знаешь кто это? В недалеком прошлом лучший следак города! У него глаз-алмаз! Столько «глухарей» раскрыл!

— Да ладно тебе! Ты и сам не льком шит...

— Хорошо, все ясно с вами. Идите, Кан, я вас отпускаю...

— Прямо сейчас?

— Да, только телефончик моему другу оставьте, да и мне пригодится, контакт с ушедшим близким устанавливать, — подмигнул ему полковник.

— Спасибо! — Саша написал телефон и, поклонившись, вышел.

Потом вон из отделения, пошел, да нет, прямо побежал домой, солнце, небо, ветер, словно все впервые, стоял полдень, хоть бы Лена была дома, подумал Кан, вошел и увидел ее.

— Освободили! — с криком крепко обнял ее.

— Я так и думала. Хороший мужик. — сказала Лена сияя. — Знаешь, у меня сегодня свободный день, у тебя после «тюрьмы» тоже... И у нас с тобой есть приглашение.

— Куда?

— Я здесь с твоим отцом общалась. Сама. И вот он сказал, что как только Саша придет, чтобы мы посетили их поезд-реку, твое изобретение. Как ты?

— А как мы будем это делать? — поначалу засомневался Саша, ведь он ни разу еще не посещал их Хор.

— Пойдем в гостиную, я все уже знаю. Сначала зашторим комнату. — сказала она и сделала. — Потом мы ляжем на диван. Ложись! — Легли. — Закроем глаза и вызовем твоего отца и мою маму...

И как только Саша закрыл глаза, он увидел отца, шедшего к нему навстречу, он взял его за руку и повел за собой по слабоосвещенному коридору, а рядом шла уже Лена вслед за мамой. Они вышли на перрон, Лена познакомила Сашу с мамой, перед ними стоял поезд.

— Отец, так ты все сделал? — спросил, улыбаясь, Саша.

— Конечно! Я же говорил. А посмотри, кто нас встречает!

И Саша увидел Бориса в строгом костюме, очевидно, он был хозяином поезда. Они вошли вовнутрь и сели за столик друг против друга. Отец кивнул Борису, а тот кивнул еще кому-то, и поезд сразу тронулся.

— Дело вот в чем, — начал свой рассказ Борис, приседая рядом. — Наш поезд едет, останавливаясь на определенных станциях, городах, там, где живут родные ушедших. Ну, например, Алматы, Москва, Берлин, Париж, Америка и так далее. На своих станциях люди выходят... Пойдемте покажу.

Поезд остановился, они вышли на перрон, прошли вслед за Борисом в кабинки, в которых была установлена как бы подзорная труба.

— Здесь вы, — продолжал рассказ Борис, показывая на электронное устройство, установленное под трубой, — набираете точный адрес вашего близкого. Вот, — Он набрал. — И после вы можете увидеть своего... Посмотрите!

Лена прильнула к трубе и воскликнула: «Так это же Веня!»

— Правильно, мой сын.

Потом посмотрел в окуляр Саша и увидел действительно Вениамина в офисе, разговаривавшего с кем-то за рабочим столом по телефону.

Потом он с разрешения набрал домашний адрес матери, она должна была быть дома, прильнул к трубе и увидел, как она обедает на кухне в одиночестве, подзвал отца, чтобы взглянул. Тот взгляделся, отнял наконец лицо и тихо сказал: «Совершенно не изменилась!»

— Неужели? — удивился Саша. — Это, наверное, издали!

А бледный отец ничего ему не ответил, и Саша понял, что, несмотря на побег и предательство, чувство его к матери все-таки не угасло. Он пошел обратно в поезд, за ним все остальные. Поезд тронулся и Борис продолжал:

— Сейчас пока только один поезд опоясывает Землю, но скоро мы с Хо Ыном построим много составов, конечно, под руководством Хора, где сейчас наши коллеги по заявкам составляют новые маршруты. И так весь земной шар будет оплетен этими магическими поездами-реками, в которых любой желающий сможет установить контакт со своим родным. Ну, как вам?

— Просто здорово! — воскликнул Саша и даже захолопал в ладоши, за ним захолопала Елена, а за ней и ее матушка, выглядевшая просто счастливой. Так, улыбаясь друг другу и рассказывая про что-то светлое и смешное, они доехали обратно до исходной станции, посидели, — вечная ночь за окном, но как светло на душе! — затем тепло попрощались, вошли в сумеречный коридор, уже вдвоем, дошли до их комнаты и открыли глаза. Лена изумленно смотрела на Сашу, а он на нее.

— Ну, разве не чудо мы сотворили? — воскликнул опять Саша, а потом взглянул на часы. — Смотри нас не было здесь целых 5 часов, а там все пролетело, как один миг!

А Лена смотрела на него уже как-то странно, с легкой печалью, не так весело и словно что-то хотела ему сказать... И вот, выдержав паузу, тихо произнесла:

— У меня есть для тебя еще одна новость...

— Какая?

— У нас будет...

— Что? Кто?

— Ребенок.

— Да ты что?! — воскликнул Кан, эта весть для него была радостной, ведь он так давно хотел своего ребенка.

— Да, пока ты сидел в заключении, я ходила к врачу. Это случилось как раз тогда, когда я впервые увидела на волшебном экране маму. Ты помнишь?

— Да, конечно! Милая! Тогда я тебя поздравляю! И себя тоже! — воскликнул Саша и крепко ее обнял, и они опять, не размыкая объятий, упали на кровать.

— Я же никак не могла забеременеть, словно все мужчины, которые мне встречались, были полые и пустые. И вдруг! — переживала Лена со слезами на глазах.

— И вдруг ты встретила мужчину, полного замыслов и энергии для их воплощения! — шутливо подтвердил Саша. — Значит, теперь у нас начнется новая жизнь, полная интересных событий?

И они стали обсуждать свои дела, так же лежа на диване, глядя друг на друга, что надо сделать в первую очередь по работе, по их клинике «Только позови», но то и дело перескакивали на будущего ребенка, кто будет мальчик или девочка, и как его назовем, а потом Лена тихо заснула, умирилась, наверное, за все эти дни, переживала, пока он сидел за решеткой.

А Кан стал вспоминать всю свою жизнь, как ему еще в детстве мерещился Голос, а над ним все смеялись, его оплеывали, и он пытался его забыть, но ничего, слава Богу, с этим не получалось, а потом, учась и работая, превращаясь в заурядного человека, он опять слышал свой волшебный Голос, который никак, мудрый, его не оставлял. И вот неожиданно он начал писать стихи и рассказы, так разговаривая со своим Голосом, поддерживая его и укрепляя и встретив, наконец, через творчество своего отца, вдруг сам стал этим Голосом (словно отец передал ему этот дар!), готовым прийти на помощь всем страждущим, униженным и оскорбленным, тонким, ранимым и изгнанным, тихим, застенчивым, посторонним и потусторонним, отчаявшимся, потерявшим всякую надежду и вдруг (здесь Саша, наконец, сомкнул глаза, засыпая) вновь обретшим ее.

